

The image features a light brown, textured background with two identical, symmetrical paper-cut decorative elements. Each element consists of a central, pointed, diamond-shaped motif with intricate scrollwork and cutouts, flanked by two large, stylized, swirling scroll-like shapes. The overall design is reminiscent of traditional folk art or paper-cut art.

ВЛАДИМИР
САНГИ

ВЛАДИМИР САНГИ

*Классик нивхской литературы
к 80-летию писателя*

VLADIMIR SANGI

A patriarch of Nivkh literature, 80th anniversary

VLADIMIR SANGI

L'auteur classique de la littérature Nivkh, a 80 ans

Дорогие друзья!

Искренне рад приветствовать вас со страниц этого издания, которое посвящено вопросам сохранения и популяризации культурного и языкового наследия коренных малочисленных народов Севера.

С этой целью реализуется совместный проект Правительства Сахалинской области и компании «Сахалин Энерджи». Он имеет большое значение как с точки зрения сбережения культурного наследия народов, проживающих в островном регионе, так и в плане реализации государственной политики по укреплению межнационального и межконфессионального согласия в Сахалинской области.

Сегодня на островах оказывается серьезная поддержка коренному сообществу, в том числе в части проведения культурных и спортивных мероприятий, сохранения традиционного уклада жизни, осуществления образовательных программ с национальной компонентой. И безусловно, здесь огромная роль принадлежит таланту и уникальному творческому наследию Владимира Михайловича Санги. Писатель, общественный деятель, создатель первого нивхского букваря, основоположник национальной письменности, он сделал нивхскую культуру достоянием российской и мировой общественности.

Убежден, что идеи, художественные образы и жизненная философия, выраженные в произведениях Владимира Михайловича Санги, во многом помогли сформировать современную доктрину самоидентичности не только нивхов, но и многих других коренных этносов Сахалинской области и Дальнего Востока России. Желаю вам интересного чтения, а В. М. Санги, который в 2015 году отмечает свое 80-летие, — крепкого здоровья, огромных сил, творческого вдохновения, счастья и новых произведений!

Александр Вадимович Хорошавин,
Губернатор Сахалинской области

Dear friends!

I would like to welcome you from the pages of this edition dedicated to preservation and promotion of the cultural and linguistic heritage of indigenous peoples.

The joint project of the Sakhalin Oblast Government and Sakhalin Energy is implemented with this purpose. It is very important both for preservation of the cultural heritage of the peoples living in the island region and for implementation of the government policy for reinforcement of interethnic concord and interfaith harmony in the Sakhalin Oblast.

Serious support is provided today to the indigenous peoples living on the island including arrangement of cultural and sport events, preservation of the traditional way of living, implementation of educational programmes with an ethnic component.

Undoubtedly a great contribution has been made by the talent and unique artistic legacy of Vladimir Sangi. Being a writer, a public figure, the founder of the first Nivkh ABC book and the Nivkh written system he introduced Nivkh culture to the Russian and world community.

I am sure that the ideas, artistic images and the life philosophy expressed in books by Vladimir Sangi enabled development of the modern self-identity doctrine not only of the Nivkh people but of many indigenous ethnic communities of the Sakhalin Oblast and the Russian Far East.

Enjoy your reading, and I wish good health and plenty of energy, artistic inspiration, happiness and fruitful creativity to Vladimir Sangi who celebrates his 80-year anniversary in 2015!

Alexander Khoroshavin,
Governor of the Sakhalin Oblast

Chers amis!

Je suis heureux de vous accueillir dans les pages de cette édition dédiée à la préservation et à la popularisation de l'héritage culturel et linguistique des minorités autochtones du Nord.

Le projet commun du Gouvernement de la région de Sakhaline et de Sakhalin Energy veut atteindre ce but. Il est en effet très important d'une part, de maintenir l'héritage culturel des peuples vivant dans cette région et d'autre part, d'assurer le succès de la politique gouvernementale par le renforcement des liens d'amitié interethniques et interconfessionnels dans Sakhaline. Aujourd'hui, nous aidons les minorités indigènes de l'île par des événements culturels et sportifs, supportons leur mode de vie traditionnel, et créons des programmes d'éducation incluant une composante ethnographique nationale. Sans aucun doute, il faut apprécier la grande contribution de Vladimir Sangi dans ce domaine, grâce à son talent et à son héritage artistique unique. Grand écrivain, homme public, créateur du premier abécédaire Nivkhe et du système d'écriture Nivkhe, il a fait connaître la culture Nivkhe dans la Russie et la culture mondiale.

Je suis certain que les idées, l'imagerie artistique et la philosophie capturée dans ce livre par Vladimir Sangi permettent le développement moderne de l'identité non seulement des peuplades Nivkhes, mais aussi des nombreuses autres communautés ethniques de Sakhaline et de l'Extrême-Orient russe.

En vous souhaitant une bonne lecture, je tiens à présenter mes vœux à Vladimir Sangi à l'occasion de son prochain quatre-vingtième anniversaire en 2015. Je lui souhaite beaucoup de bonheur, de santé, d'énergie et d'inspiration artistique, ainsi que la création de nouvelles œuvres.

Alexandre Khoroshavin,
Gouverneur de Sakhaline

Дорогие друзья!

Мы живем в мире высоких технологий, каждый день меняет действительность и расширяет наши возможности. Сегодня мы можем общаться с разными людьми в любой точке планеты, мы можем путешествовать по странам и континентам, изучать космические объекты, оставаясь на земле. Все это и многое другое – важные достижения современности. Но для того, чтобы мир оставался в равновесии, необходимо бережно относиться к традициям и культурному наследию каждого, даже самого малочисленного, народа на земле.

Это большая работа, справиться с которой можно только объединив усилия государства, общества и бизнеса, ведь исчезновение языка обедняет человечество на одну краску, и однажды можно оказаться в черно-белом мире. Духовную силу человеку дает родная земля, родной язык, культура предков.

Компания «Сахалин Энерджи» более 20 лет работает на Сахалине. Все это время мы поддерживаем проекты, связанные с устойчивым развитием коренного сообщества, с сохранением языков и культуры первых жителей острова.

Владимир Михайлович Санги – великий сын нивхского народа, хранитель его традиций. Мы искренне рады, что, поддерживая творческие проекты писателя, вносим вклад в сохранение уникальной культуры этого северного этноса.

В 2015 году Владимиру Михайловичу исполняется 80 лет. Пожелаем ему здоровья, новых книг, творческого вдохновения!

Роман Юрьевич Дашков,
главный исполнительный директор
«Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.»

Dear friends!

We are living in a dynamic world, a world of high technology and endless opportunities. We can communicate with people anywhere in the world, travel across countries and continents and study space objects without leaving our home planet. We can be proud of these accomplishments, as well as of many others. But, in order for the world to remain in balance, we must take care of the traditions and cultural heritage of each and every nation no matter how small it may be.

It is a big job, and it can only be successfully accomplished through joint efforts of the state, the public and the business community. When one language perishes, one colour is detracted from the rainbow of humanity, and one day we may find ourselves in a colourless world. Ancestral land, language and culture give people spiritual power.

Sakhalin Energy has been operating on Sakhalin for over 20 years. All this time we have been supporting projects focusing on the sustainable development of the island's indigenous minorities, preserving the languages and cultures of the island's first residents.

Vladimir Sangi is a great son of the Nivkh people and the guardian of traditions. We are delighted to be involved in the preservation of this ethnos' unique culture by providing support to the writer's various creative projects. Vladimir Sangi is celebrating his 80th anniversary in 2015. We would like to wish him good health, new books and inspiration!

Roman Dashkov,
Chief Executive Officer
Sakhalin Energy Investment Company Ltd.

Chers amis!

Nous vivons dans un monde dynamique, un monde qui baigne dans la haute technologie et dans lequel les opportunités sont presque sans limites. Nous pouvons communiquer simultanément avec différentes personnes dans n'importe quelle région du monde, parcourir de nombreux pays, voyager entre les continents et même étudier des objets galactiques sans quitter notre terre. Mais, pour que notre monde garde son équilibre, nous devons préserver les traditions et l'héritage culturel de chaque pays, si petit soit-il.

Ceci représente une tâche énorme qui ne peut être atteinte qu'à travers une étroite collaboration entre les gouvernements et les populations locales, ainsi que les entreprises privées. Avec la disparition d'une langue, c'est l'arc en ciel de l'humanité qui perd une teinte de couleur. Nos terres, langues et cultures ancestrales nous donnent une force spirituelle.

Sakhalin Energy œuvre depuis plus de 20 ans sur Sakhaline. Depuis le début de nos activités, nous soutenons des projets de développement durable au sein des communautés autochtones. Ceux-ci contribuent à la préservation de la langue et de la culture des premiers habitants de l'île.

Vladimir Sangi est le grand héritier de la culture du peuple Nivkhe; il est le gardien de ses traditions. Nous sommes ravis de soutenir les projets créatifs de cet écrivain et de pouvoir contribuer ainsi à la préservation de la culture unique des groupes ethniques du Nord de Sakhaline.

Vladimir Sangi aura quatre-vingt ans en 2015. Pour cet anniversaire remarquable, je lui souhaite une bonne santé, beaucoup d'inspiration et de nouveaux livres.

Roman Dashkov,
Président Directeur Général,
«Sakhalin Energy Investment Company, Ltd.»

Владимир Михайлович Санги

Владимир Михайлович Санги — основоположник нивхской литературы, общественный деятель. Создатель нивхского современного алфавита, автор учебников для нивхских школ. Осуществлял перевод произведений классиков русской литературы на нивхский язык. Член Союза писателей СССР (России), член Международной лиги защиты прав и свобод человека при Экономическом и социальном совете ООН, заслуженный работник культуры Республики САХА (Якутия). Награжден медалью «За доблестный труд», орденом «Знак Почета», орденом Дружбы. Лауреат Государственной премии Российской Федерации. Лауреат премии губернатора Сахалинской области, премии Сахалинского фонда культуры.

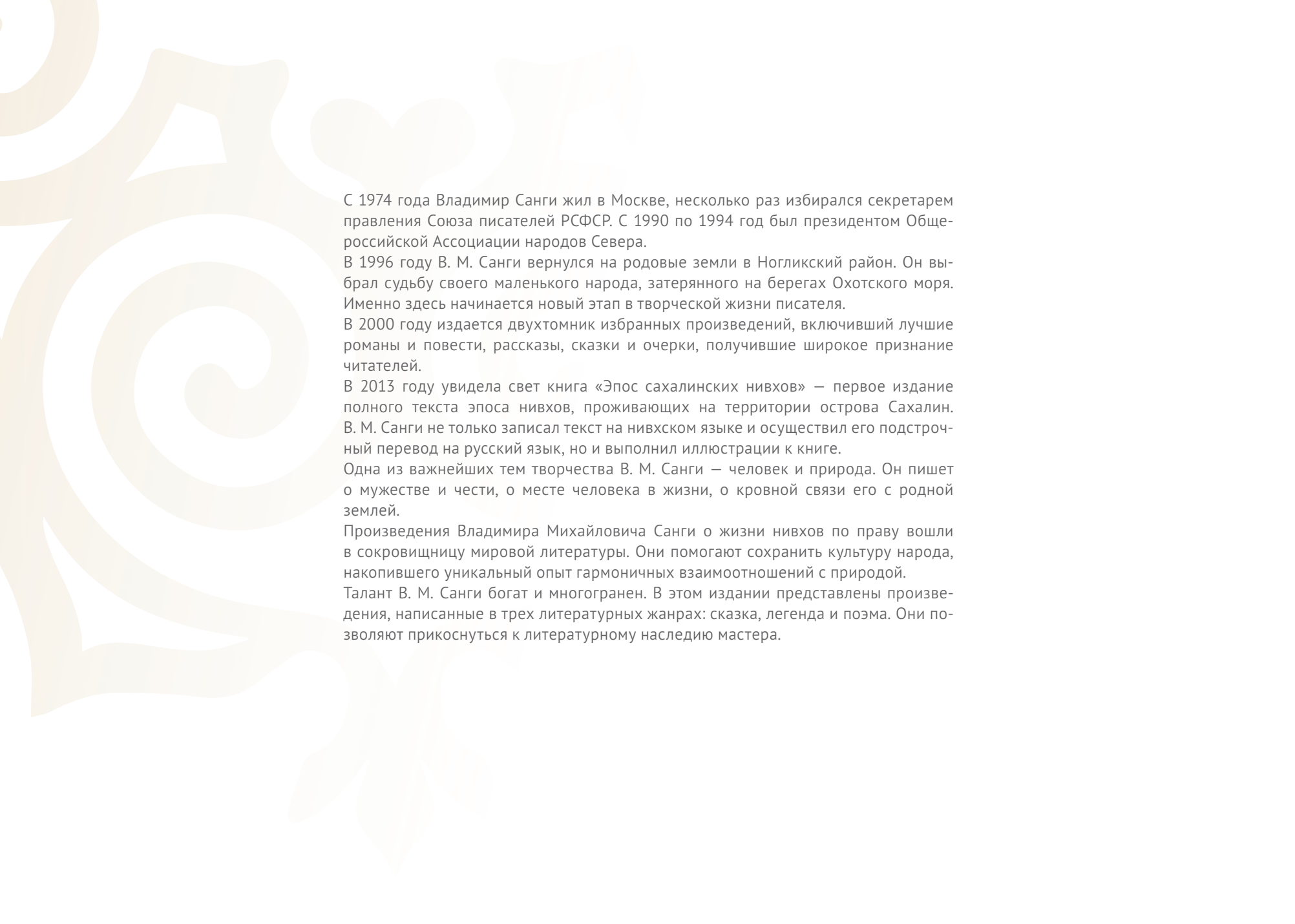
Родился 18 марта 1935 года в стойбище Набиль Ногликского района Сахалинской области. Традиционный уклад жизни семьи привил интерес к истории, обычаям, культуре нивхского народа. Часто слышал древние предания, песни и музыку — они передавали тысячелетнюю духовную память его предков.

Уже в детстве Владимира Михайловича восхищало яркое своеобразие языковых конструкций; в песнопениях поражало обилие действующих лиц, взаимодействие и причудливые столкновения которых определяли строгую выстроенность сюжетных линий. Позднее Владимир Михайлович Санги поставил перед собой цель охватить исследованиями разнообразные жанры нивхского фольклора, донести это духовное наследие до мирового читателя.

Нивхские мифы и легенды вошли в первую книгу первого нивхского писателя и принесли В. М. Санги широкую известность.

Следом выходит из печати сборник рассказов «Голубые горы» и стихи «Соленые брызги». В 1962 году В. М. Санги был принят в члены Союза писателей СССР.

В 60–70-е годы XX века появились крупные произведения писателя: повести «Изгин» и «Тынграй», романы «Ложный гон», «Женитьба Кевонгов», «Время добыч», сборник «Легенды Ыхмифа».

С 1974 года Владимир Санги жил в Москве, несколько раз избирался секретарем правления Союза писателей РСФСР. С 1990 по 1994 год был президентом Общероссийской Ассоциации народов Севера.

В 1996 году В. М. Санги вернулся на родовые земли в Ногликский район. Он выбрал судьбу своего маленького народа, затерянного на берегах Охотского моря. Именно здесь начинается новый этап в творческой жизни писателя.

В 2000 году издается двухтомник избранных произведений, включивший лучшие романы и повести, рассказы, сказки и очерки, получившие широкое признание читателей.

В 2013 году увидела свет книга «Эпос сахалинских нивхов» – первое издание полного текста эпоса нивхов, проживающих на территории острова Сахалин. В. М. Санги не только записал текст на нивхском языке и осуществил его подстрочный перевод на русский язык, но и выполнил иллюстрации к книге.

Одна из важнейших тем творчества В. М. Санги – человек и природа. Он пишет о мужестве и чести, о месте человека в жизни, о кровной связи его с родной землей.

Произведения Владимира Михайловича Санги о жизни нивхов по праву вошли в сокровищницу мировой литературы. Они помогают сохранить культуру народа, накопившего уникальный опыт гармоничных взаимоотношений с природой.

Талант В. М. Санги богат и многогранен. В этом издании представлены произведения, написанные в трех литературных жанрах: сказка, легенда и поэма. Они позволяют прикоснуться к литературному наследию мастера.

Vladimir Sangi

Vladimir Sangi is the founder of the Nivkh literature and the alphabet, a public figure, an author of the Nivkh schoolbooks. He translated classics of Russian literature into the Nivkh language. He is a member of the Union of Writers of USSR, a member of the UN ECOSOC International League for Human Rights. He has title of the Honoured Worker of Culture of the Sakha Republic (Yakutia). He was awarded with the Medal for Valorous Labour, the Badge of Honor Order, the Order of Friendship. Mr. Sangi is the laureate of the State Prize of the Russian Federation and Prize of the Governor of the Sakhalin Oblast as well as award of Sakhalin Cultural Fund.

Mr. Sangi was born on 18 March 1935 in Nabil camp, Nogliki district, Sakhalin Oblast. Traditional state of life promoted interest to history, customs and culture of Nivkh people. He often heard hoary legends, songs and music which passed millenary memory about his ancestors.

When Mr. Sangi was a child he admired specific language patterns, number of characters in songs that combined in clear storylines. Later, Mr. Sangi set a target to analyse various genres of Nivkh folklore and to pass a cultural heritage to people around the world.

The first book of Mr. Sangi included Nivkh's myths and legends and made him famous. The next published books were: a storybook "Golubye Gory" (Blue Mountains) and a book of poems "Solyonye Bryzgi" (Salt Spindrift). In 1962 Mr. Sangi joined the Union of Writers of USSR.

In 60th–70th of XX century Mr. Sangi wrote new books: short novels "Izgin" and "Tyngray", novels "Lozhniy Gon" (False Estrus), "Zhenitba Kevongov" (Marriage of

the Kevongs), “Vremya Dobych” (Hunting Season); storybook “Legendy Ykhmifa” (Legends of Ykhmif).

In 1974 Mr. Sangi moved to Moscow. He was assigned to perform the role of Secretary of Management Board of the Union of Writers of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. From 1990 to 1994 he performed the role of the Chairman of Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East.

In 1996 Mr. Sangi returned to his homeland in Nogliki District to share home with his people living in coastal areas of the Sea of Okhotsk and to start a new stage in his writer’s life.

In 2000 a two-volume book with the best publications was published and included the best novels, short novels, stories, fairy tales and sketches widely recognised by readers.

In 2013 the book called The Epic of Sakhalin Nivkh People was published. Mr. Sangi wrote the book in Nivkh language, made translation into the Russian language and made drawings for the book.

One of the most important subjects of books written by Mr. Sangi is people and nature. His books cover courage and honor, place of people in life, blood relations with homeland.

Mr. Sangi’s books about life of Nivkh people are rightfully included into the treasury of the world literature. They help to maintain culture of people who managed to set unique harmonious relations with nature.

Talent of Mr. Sangi is rich and comprehensive. This publication presents works written in three literary genres: fairy tale, legend and poem to show the literary heritage of the author.

Vladimir Sangi

Vladimir Sangi est le fondateur de la littérature des Nivkhes et un personnage public important. Il est le créateur de l'alphabet Nivkhe moderne et a écrit plusieurs manuels scolaires Nivkhes. Il a également traduit des œuvres classiques de la littérature russe dans la langue Nivkhe.

Monsieur Sangi est un écrivain très actif et reconnu qui est non seulement membre de l'Union des écrivains de Russie (et avant cela de l'U.R.S.S.), mais également membre de la Ligue internationale des droits de l'homme et des libertés, laquelle travaille avec le Conseil économique et social de l'ONU. Ses œuvres lui ont valu plusieurs titres et honneurs, tel que Travailleur Émérite de la Culture de la République de Sakha (Yakoutie), la médaille «Pour le travail valeureux», ainsi que la «ruban d'honneur» de l'Ordre de l'Amitié. De plus, il a été Lauréat du Prix d'Etat de la Fédération de Russie, Lauréat du Prix de Gouverneur de Sakhaline et de la Fondation culturelle Sakhaline.

Vladimir Sangi est né le 18 Mars 1935 dans le camp de Nabil, aux alentours de Nogliki dans le Nord de Sakhaline. Le mode de vie traditionnel de sa famille a inspiré son intérêt pour l'histoire, les coutumes et la culture des Nivkhes. Il a grandi avec et souvent écouté les légendes, les chansons et la musique anciennes – qui lui passèrent la mémoire spirituelle millénaire de ses ancêtres.

Depuis son enfance Vladimir a admiré la richesse vivante de la langue des Nivkhes. Au travers des chansons traditionnelles, il a été fasciné par l'abondance des acteurs, par leurs interactions complexes et par les rebondissements bizarres des scénarios qui répondent toutefois à des règles strictes. Plus tard, Vladimir Sangi s'est fixé l'objectif ambitieux d'étudier et de documenter la variété et la richesse du folklore Nivkhes dans tous ses genres, de traduire et de partager ce patrimoine spirituel et culturel avec les lecteurs du reste du monde.

Ses premiers ouvrages «Mythes et Légendes Nivkhes» ont pour la toute première fois transcrits la richesse culturelle Nivkhe. Ce sont ces œuvres qui lui ont apporté sa première renommée. Après cela, il a écrit un recueil de nouvelles intitulé «Des

montagnes bleues», et le poème «Au brouillard salin». En 1962, M. Sangi a été admis à l'Union des écrivains soviétiques. Dans les années soixante et soixante-dix, l'auteur a produit d'importantes nouvelles œuvres. Ce sont «Izgin» et «Tyngray», les romans «La fausse secousse», «Le mariage de Kevongov», «Les temps des chasses», et un recueil de récits «Les légendes d'Ykhmyph».

En 1974, Vladimir Sangi quitte la toundra et s'installe à Moscou, où il est plusieurs fois élu secrétaire de l'Union des écrivains de l'URSS. De 1990 à 1994, il a été le président de l'Association russe des peuples autochtones du Nord, de la Sibérie et de l'Extrême-Orient. C'est en 1996 que ce fils de Sakhaline est retourné sur ses terres ancestrales, dans la région de Nogliki. Il a alors choisi de retrouver la vie de ces tribus indigènes ancestrales, proche des rives de la mer d'Okhotsk. Et c'est ici qu'a commencé une nouvelle étape dans la vie créatrice de notre écrivain.

En 2000, il a publié une collection en deux volumes recueillant des œuvres choisies, reprenant ses romans, histoires et essais ayant reçu le plus grand succès parmi ses lecteurs. 2013 voit la publication du livre «La poésie épique des Nivkhes de Sakhaline», qui est la première édition du texte intégral de la poésie épique des peuplades Nivkhes de l'île. Pour cet ouvrage, l'auteur a transcrit le texte intégral de l'épopée dans la langue Nivkhe et l'a ensuite traduit en Russe. De plus, il a personnellement complété ce livre au travers de nombreuses d'illustrations.

La relation entre l'homme et la nature est l'un des thèmes principaux de la créativité de Vladimir Sangi tout au travers de ses œuvres. Il aime écrire sur le courage et l'honneur, sur la place de l'homme dans la vie, ainsi que ses liens de sang avec sa terre natale. Ses manuscrits décrivent magnifiquement la vie des peuples Nivkhes et appartiennent à juste titre au trésor de la littérature mondiale. Ils aident ainsi à préserver la culture d'un peuple ancestral qui a réalisé l'expérience unique d'une relation harmonieuse avec la nature au travers des siècles.

Le talent de M. Sangi est riche et multiforme. Cette publication présente quelques-unes de ses œuvres écrites dans trois genres littéraires différents: les contes de fées, les légendes et le poème. Ils vous permettront de découvrir et de comprendre l'héritage littéraire de la culture Nivkhe à travers quelques chefs d'œuvres de ce maître.

МУДРАЯ НЕРПА

Ж

Жила в заливе нерпа. Жила и горя не знала. Днем она выходила на песчаный берег и сладко дремала под теплыми лучами летнего солнца. Выспавшись, влезала в воду, долго резвилась в свое удовольствие. Потом ловила самых вкусных рыб — благо в заливе много всякой рыбы.

Раздобрела нерпа от сытой жизни и стала учить других зверей уму-разуму.

Говорила вороне:

— Эх, ворона-ворона, голодные глаза. Живешь ты много лет, а ни разу не вкусила живой трепещущей рыбы. Все пользуешься падалью, несчастная. Мне жаль тебя. Надо было тебе родиться нерпой.

Говорила зайцу:

— Эх, заяц-заяц, беспокойные ноги. Так много бегаешь по тайге за корьем. И все равно ты тощий, как сук ольхи. Мне жаль тебя. Надо было тебе родиться нерпой.

Так и жила нерпа и поучала зверей и птиц.

Как-то поселилась в прибрежных кустах лиса.

Нерпа несколько раз видела лису, пыталась заговорить с ней, но та все уходила от разговора. И нерпа невзлюбила за это лису.

Все лето лиса кормилась мышами, ягодой, разоряла птичьи гнезда. Осенью она ловила мышей, подстерегала молодых, еще глупых птиц, грызла орехи. Зиму она пережила трудно. Кое-как дотянула до весны.

И вот голодной весной лиса вспомнила о нерпе. Вышла на берег залива и увидела: нерпа плавает в разводье. Облизнулась лиса. Но разве справиться ей с нерпой: та большая и сильная! И плавает нерпа в ледяной воде, где лиса не может продержаться и один миг. Но тут увидела лиса нерпенка. Жирного, беленького, еще совсем беспомощного. Нерпенек лежал на льдине невдалеке от берега.

Лиса выскочила на припай, заплясала, будто обрадовалась встрече с нерпой.

- Ты чего это пляшешь? — спросила нерпа.
- Как же мне не радоваться! Ведь я давно ищущи встречи с тобой, мудрая нерпа! — А сама так и приплясывает, так и приплясывает. От голодного нетерпения, конечно.
- Зачем я тебе? — спрашивает нерпа.
- Я очень прошу тебя, мудрая нерпа, научи меня счет вести.
- А зачем тебе еще счет вести? — удивляется нерпа. И, польщенная вниманием лисы, подумала: «Вот какая я мудрая — сама лиса пришла ко мне учиться».
- А затем, чтобы знать, сколько у меня друзей. Ты мой друг. И других нерп я хочу взять в свои друзья.
- Ну ладно, научу, — сказала нерпа. — Давай повторяй за мной. Лиса пригнулась над кромкой припая, приготовилась.
- Раз, — сказала нерпа.
- Раз, — повторила лиса и коснулась лапой головы нерпы.
- Два, — сказала нерпа.

— Два, — повторила лиса, пронесла лапу от головы нерпы и коснулась воды. — Ой-ой-ой! — закричала лиса, затрясла лапой.

— Ты чего кричишь? — спросила нерпа.

— Лапу обмочила, — жалуется лиса.

— Встряхни ее, поддержи на ветру, — посоветовала нерпа. — Тоже мне, воды боится. Надо было тебе родиться нерпой.

Долго ждала нерпа, когда просохнет шерсть на лапе лисицы. Дождалась и говорит:

— Давай по новой. Значит, раз...

Лиса повторяет.

— Раз...

— Два...

Лиса повторяет:

— Два... — коснулась опять воды. — Ой-ой-ой! — закричала она, затрясла лапой.

— Экая ты неловкая. Зачем же мочить лапу? — недовольно ворчит нерпа.

— Как же я могу не коснуться воды, когда никого там нет. Ведь ты — «раз», а на «два» никого нет. Получается не «два», а пустое место.

— Вот оно что! — усмехнулась нерпа и поплыла за подружками. Привела, выстроила их одну за другой и говорит: — Давай, лиса, продолжим. Значит, раз...

— Раз, — сказала лиса и вскочила на голову нерпы.

— Два, — сказала нерпа.

— Два, — повторила лиса и прыгнула на следующую голову.

— Три, — сказала нерпа.

— Три, — повторила лиса и прыгнула на третью голову.

— Четыре...

— Пять...

Скачет лиса по нерпичьим головам, только правит хвостом, чтобы не соскользнуть в воду. При счете «девять» лиса доскакала до льдины, вспрыгнула на нее, обернулась и прокричала:

— А теперь не мешайте мне, я сама буду тренироваться в счете.

Отплыли нерпы подальше, чтобы не мешать лисе заучить счет. А лиса тем временем съела вкусного жирного нерпенка. И когда наелась, вышла к кромке льда:

— Эй, нерпы! Я уже выучила счет!

Приплыли нерпы к льдине, выстроились одна за другой. И лиса поскакала по их головам:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Доскакала до берега, выскочила на припай, полуобернулась, помахала пушистым хвостом:

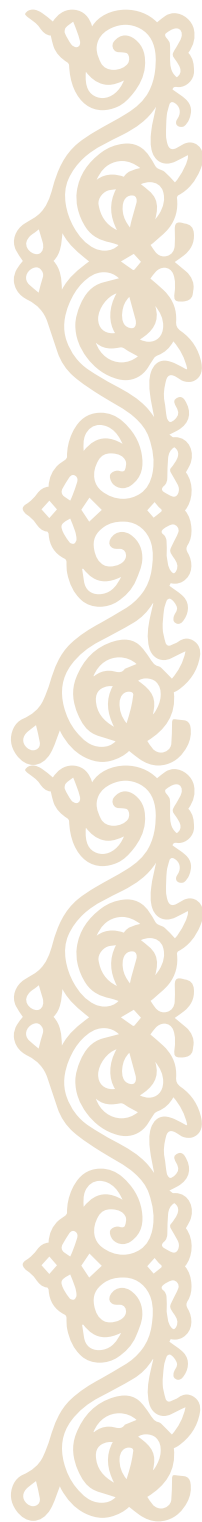
— Спасибо! До свидания!..

А нерпа подумала: «Какая я мудрая — так быстро научила лису».

ПРИКЛЮЧЕНИЕ
ДВУХ БРАТЬЕВ

В селении Кекрво, которое теперь называется Пильтун, жил старик со старухой и двумя взрослыми сыновьями.

Оба сына — удачливые охотники. Они всегда возвращались с охоты с богатой добычей, а поставят сети — поймают много рыбы.

Старик старшему нашел жену, совсем еще молодую девушку.

Через некоторое время спрашивает у младшего:

— А ты хочешь жениться?

Младший сын ответил, что ему тоже пора иметь жену.

Тогда старик и ему нашел жену.

Живут молодые люди с женами в согласии.

Через полмесяца после того, как младший женился, наступила весна.

Молодая трава синью покрыла землю.

Старик говорит своим сыновьям:

— Лед поднялся и разбился. Наступила пора охоты на морского зверя.

Спустите лодку и езжайте на охоту.

Молодые люди давно ждали этого дня. Столкнули лодку в воду, сели в нее. Набежавшая волна подхватила их и вынесла в море. Младший сидит за веслами, старший — на корме, держит рулевое весло, правит.

А старик долго стоял на берегу, провожал сыновей взглядом.

Жены охотников тоже стояли на берегу.

Охотники пробыли в море дотемна, но так и не увидели ни одной нерпы.

А еще не было случая, чтобы неудача постигла их. Старший брат с досадой говорит:

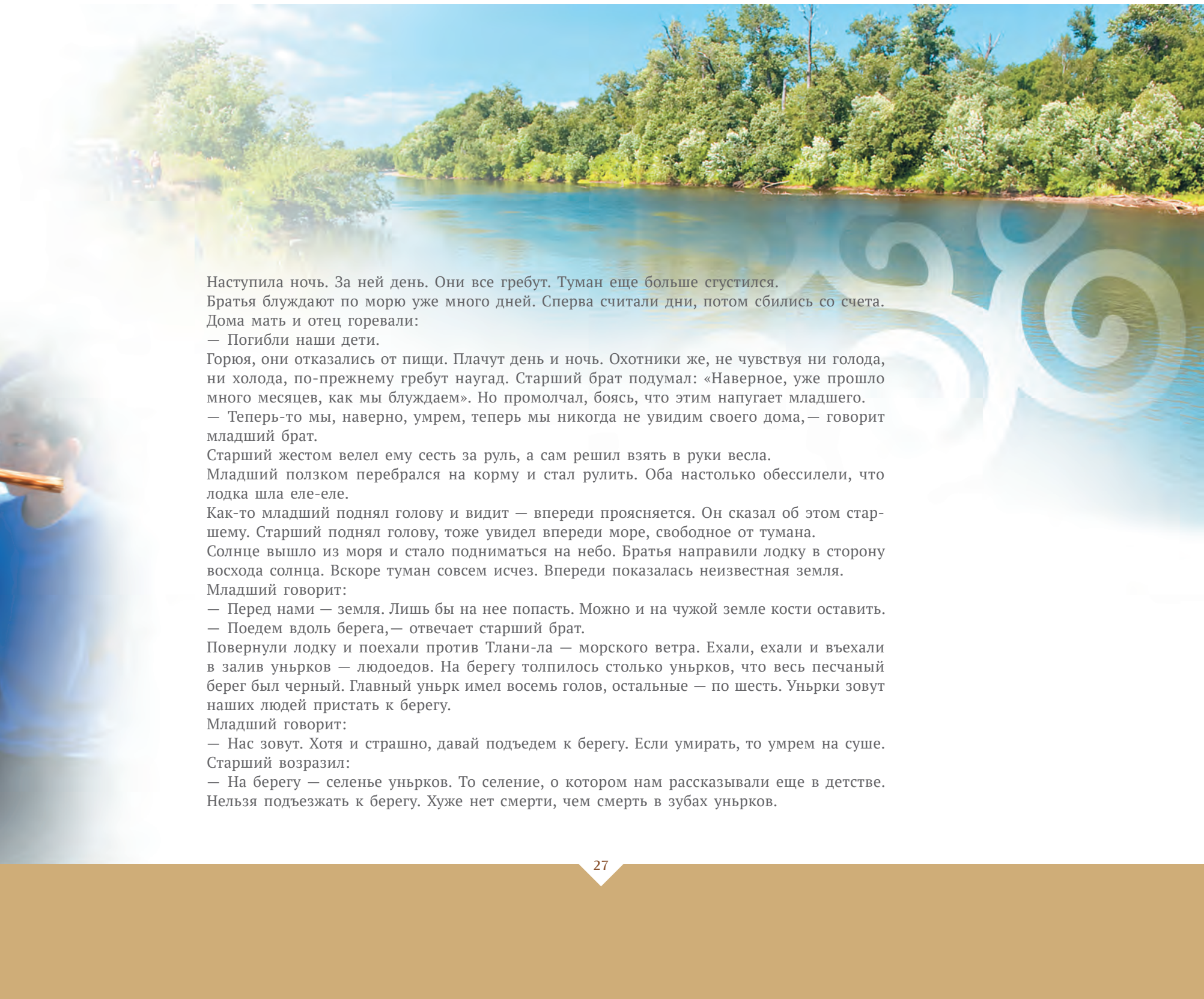
— А, вернемся! Ведь зря мы бороздили море, ни одной нерпы не видно.

Стали грести к берегу. Но вдруг море покрылось туманом. Туман был такой густой, что братья плохо видели даже друг друга. И ветер изменился.

Братья едут наугад.

Наступила ночь. За ней день. Они все гребут. Туман еще больше стусился. Братья блуждают по морю уже много дней. Сперва считали дни, потом сбились со счета. Дома мать и отец горевали:

— Погибли наши дети.

Горюя, они отказались от пищи. Плачут день и ночь. Охотники же, не чувствуя ни голода, ни холода, по-прежнему гребут наугад. Старший брат подумал: «Наверное, уже прошло много месяцев, как мы блуждаем». Но промолчал, боясь, что этим напугает младшего.

— Теперь-то мы, наверно, умрем, теперь мы никогда не увидим своего дома, — говорит младший брат.

Старший жестом велел ему сесть за руль, а сам решил взять в руки весла.

Младший ползком перебрался на корму и стал рулить. Оба настолько обессилели, что лодка шла еле-еле.

Как-то младший поднял голову и видит — впереди проясняется. Он сказал об этом старшему. Старший поднял голову, тоже увидел впереди море, свободное от тумана.

Солнце вышло из моря и стало подниматься на небо. Братья направили лодку в сторону восхода солнца. Вскоре туман совсем исчез. Впереди показалась неизвестная земля.

Младший говорит:

— Перед нами — земля. Лишь бы на нее попасть. Можно и на чужой земле кости оставить.

— Поедем вдоль берега, — отвечает старший брат.

Повернули лодку и поехали против Тлани-ла — морского ветра. Ехали, ехали и въехали в залив уньрков — людоедов. На берегу толпилось столько уньрков, что весь песчаный берег был черный. Главный уньрк имел восемь голов, остальные — по шесть. Уньрки зовут наших людей пристать к берегу.

Младший говорит:

— Нас зовут. Хотя и страшно, давай подъедем к берегу. Если умирать, то умрем на суше.

Старший возразил:

— На берегу — селенье уньрков. То селение, о котором нам рассказывали еще в детстве. Нельзя подъезжать к берегу. Хуже нет смерти, чем смерть в зубах уньрков.

Младший резко повернул лодку в море, старший изо всех сил приналег на весла. Лодка братьев стала перелетать с головы одной волны на голову другой волны.

Уньрки спустили на воду берестяные лодки и пустились вдогонку. Их так много, что не было видно цвета воды.

Они догнали братьев. Восьмиголовый схватился за корму. Но в это время набежала большая волна. Берестяная лодка уньрков ткнулась носом в волну и перевернулась. Уньрки не умеют плавать, все утонули. Их берестяную лодку ветер понес в открытое море. Остальные уньрки испугались и повернули назад.

Лодка братьев была сделана из крепкого тополя умелыми руками их отца.

Она хорошо выдерживала удары волн.

Братья теперь поехали не спеша, обдумывая, что дальше делать.

Младший все время просит:

— Пристанем к берегу. Все равно где — между кустарниками ли, между кочками ли — нам положить свои кости.

Долго-долго, не слушая уговоров младшего, старший ведет лодку. А тогда, когда солнце совсем низко опустилось над морем, старший прекратил грести, поднялся во весь рост и стал осматривать берег. Видит — стоит один-единственный ке-раф. Младший просит старшего подъехать к берегу. Наконец старший согласился.

Лодку вынесло на берег волной. Старший приподнял лодку за нос, младший потянул за уключину — вытащили на несколько шагов.

Немного выше стоял такки — суковатый шест. Но не хватало сил дотащить лодку до такки. От берега к ке-рафу вела тропа. Тропа плотная, похоже, что по ней ходили много раз. Из дома — ни звука.

— Войдем переночуем, — говорит младший.

Поднялись по тропе и остановились у порога. Солнце уже зашло, но было еще видно.

— Давай я первый войду в дом. Может быть, там нас дожидается уньрк, — сказал старший и переступил порог. Посмотрел в правый угол, затем в левый.

Видит — большого роста красивая женщина сидит, глядит в другую сторону, курит. У нее золотые серьги, цвет лица белый, длинные косы, одета в дорогую, с богатой отделкой меховую одежду.

Братья прошли и сели на середину нар для гостей.

— Нгаркара! [Нгаркара — междометие, выражающее участливое отношение к собеседнику.]

Откуда вы начали свой путь и как пришли ко мне? — спрашивает женщина.

Она нарезала красивую белую юколу кеты, из высушенного желудка сивуча нацедила нерпичий жир. Поднесла к ним столик с едой, предупредила: — Не много ешьте. С голоду разом много нельзя.

Братья поблагодарили женщину. Поели немного, сказали, что они сыты, и отодвинули стол. — Ложитесь спать, — сказала хозяйка. — Вы — мужественные люди, раз достигли здешних мест. Отдохните и завтра продолжайте путь туда, куда вы шли. Юколу взвалите на плечи, нау прикрепите к спинам.

— Мы, мужчины, понимаем трудности. Но завтра продолжим путь, — ответили братья.

— Раз вы так решили — будет по-вашему, — говорит женщина. — Если вы завтра вместе с солнцем тронетесь в путь, ко времени падения солнца достигнете оконечности земли. Вдаль посмотрите и увидите, как большая волна подойдет и ударится о берег. Внимательно слушайте меня. По вашим преданиям, жители Ыхмифа наделены счастьем. Если бы не так, вы бы не дошли до моего ке-рафа. Завтра после захода солнца вы достигнете края земли. Запомните место удара большой волны. У этого места увидите ке-раф. Войдите в него. Старый-престарый старик в этом ке-рафе живет. Там больше никого не будет. Сединой убеленный, он одет в одежду из кетовой кожи, и обувь из кетовой кожи, и постель из кетовой кожи. Около него будут лежать рукавицы из кожи кеты, шапка из кожи кеты. Старик будет спать. Хоть и тесно, войдите и сядьте на пустое место. Сам проснется и будет ворчать недовольный. Тогда ему расскажите о своем горе, так же как и мне рассказали. Дав такой совет, женщина уложила братьев спать. Сняли обувь — положили под голову, сняли одежду — постелили. Сразу захрапели.

Посреди ночи младший проснулся. Старший спит, храпит. Младший вышел, посмотрел на небо и снова вошел. Лег. Но никак не берет его сон. Вдруг почувствовал младший брат сильную любовь к хозяйке. Встал и направился к ней. Когда он подошел к ней, та взяла его за руку и притянула к себе. От радости он чуть не умер.

Женщина говорит:

— Зачем подошел? Ко мне нельзя подходить.

— Не знаю. Я вдруг почувствовал, что люблю тебя.

— Меня нельзя любить, — говорит хозяйка дома. — Завтра покажу яму с кипящей водой. Она находится около дома. Там лежат кости людей, которые преследовали меня своей любовью. Тебя мне жалко, я не убью тебя, но могу боль напустить.

— Жители Ыхмифа наделены счастьем, — ответил гость и почувствовал, как что-то в нем изменилось, какая-то боль вошла в него. Стоять — больно, лежать — больно. Уж очень велика боль.

Старший проснулся. Видит, младший мучается около хозяйки. Старший одним прыжком оказался рядом.

— Что случилось? — спросил.

— Хозяйка нанесла мне боль, — отвечает тот.

Тут хозяйка говорит:

— Меня не вините. Только себя вините.

Люди Ыхмифа справедливые. Они согласились, что сами виноваты. Когда посветлело, хозяйка приготовила кушанье, накормила гостей, дала на дорогу юколу, прикрепила к их спинам нау и сказала:

— Один из вас больной. Как вы пойдете? Мне вас жалко, но вам оставаться у меня нельзя.

Старший брат обхватил младшего рукой, двинулись в путь.

На голый песок садились отдыхать, в траве, в кустах отдыхали. Наконец достигли ке-рафа. Вошли. Старик лежал на спине. Проснулся. Оглядел пришедших.

— Откуда и зачем пришли?

— Много времени блуждаем, сами себя уже не узнаем, — говорят братья.

А этот старик обо всем и без них уже знает.

— Зачем к водяной ведр ходили? Она вас чуть не погубила, — говорит старец.

— Мы не знали, что эта женщина — ведр. Ест, как человек, говорит человеческим языком, сама точно женщина, — отвечают братья.

Старик, лежа на спине, достал из бочки, стоящей рядом, живую трепещущую кету, ударил ее по голове палкой, убил.

— Вот вам. Варите и ешьте.

Варили в котле хозяина. Положили вареную рыбу в деревянную посуду.

— Ешьте чафками-палочками, — говорит старик.

Гости сели поудобней, прикоснулись к рыбе, подняли палочки без рыбы ко рту, облизали их и вдруг от сытости чуть не лопнули. Посмотрели друг на друга, удивляются. Старик рассмеялся и сказал:

— Вынесите рыбу, выбросьте и ложитесь спать.

Братья только легли, уснули как мертвые. Когда наступило утро, проснулись.

А старик, как вчера, лежит на спине. Ел он или нет, не видели братья.

— А теперь езжайте домой, — говорит старик.

— Как же мы поедem, на чем?

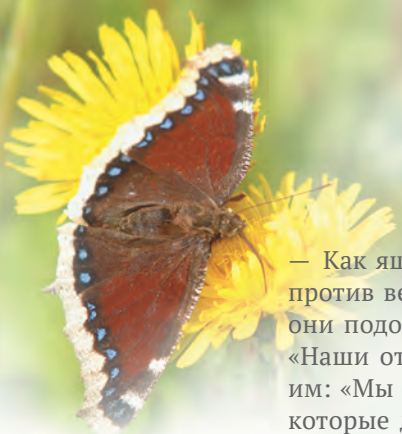
— Я вам помогу добраться до дома, — обещал старик.

Как и вчера, живую трепещущую рыбу достал, ударил по голове палкой, убил.
— Сварите и ешьте. Когда вы будете сыты, тогда я вас и отправлю, — сказал хозяин дома. Сварили рыбу, сели лицом к старику и приготовились есть. Только облизали палочки, как их животы вздулись от сытости.
— Что вы не едите?
— У нас желудки наполнены. Некуда больше есть! — ответили гости.
— Вынесите и выбросьте рыбу. Посуду вымойте и повесьте сушить, — сказал хозяин. — Солнце уже высоко. Вам пора в путь.
Достал старик золотой ящик и сказал:
— Отправлю вас домой вот в этом ящике.
Братья рассердились:
— Да ящик-то меньше ладони! Как мы поместимся в нем?
— Посажу вас в этот ящик, оттолкну, — не слушая их, говорил старик. — Когда ящик перевернется на другую сторону, ударьте головой по крышке, откройте. Вы будете на земле. Затем обратился к старшему:
— На берегу выйди на бугор. Там увидишь двух оленей, один белый, другой черный. Олени убегут к воде и спрячутся в ящике, который должен удерживать твой брат. Как только войдут они в ящик, закрой крышку. Ящик сам вырвется из рук и приплывет ко мне. Эти олени — дань вашей земли. Вас двое, и оленей будет два. Ясно? — спросил старец. Братья только теперь поняли все. Они находятся в гостях у самого Тайхнгада — создателя живых существ. Это он в разное время года бросает в море несметное количество горбуши или кеты и посылает их к берегам Ыхмифа, чтобы жителям этой земли было сытно.

— Как ящик уплывет от вас, — говорит старик изумленным людям, — вы пойдете берегом против ветра Тлани-ла. Увидите двух юношей. Они будут стрелять из луков куликов. Когда они подойдут к вам, остановите их. Спросите: «Где ваши отцы?» Старший юноша скажет: «Наши отцы давно, до нашего рождения, ушли в море на охоту и погибли там». Скажите им: «Мы и есть ваши отцы». Они вам не поверят. Тогда покажите им свои золотые кольца, которые дали вам матери ваших сыновей перед вашей последней охотой. Плывут братья в золотом ящике и только слышат, как ящик перелетает с волны на волну. Прошло некоторое время, и ящик задел за что-то твердое. Набежавшая волна перевернула его на другую сторону.

И вот братья на своей земле. Вышел старший брат на бугор, увидел оленей. Загнал оленей в ящик, и ящик умчался к морскому старцу. Идут братья против Тлани-ла. Встретили двух юношей, стреляющих из луков по куликам. Остановили их. Сказали им все, что говорил Тайхнгад. Затем младший брат отдал младшему юноше золотое кольцо и говорит:

— Вот кольцо твоей матери. Я взял его, когда уезжал на охоту.

Юноши прибежали домой, говорят:

— Наши отцы живы!

Матери и дед с бабушкой испугались, стали ругать юношей, считая, что они зло шутят:

— Уйкра! Вы называете имена давно умерших людей!

— Это правда! Наши отцы живы!

Еще сильнее ругают их.

Младший юноша показывает матери кольцо.

— Ты отдавала это золотое кольцо отцу? — спросил он.

И четверо — старик, старуха и две женщины — пошли на морской берег.

Подожли братья, разглядывают. Плачут от счастья.

Привели братьев домой. И зажили они счастливо и в достатке.

Только через шесть лет рассказали братья о своих приключениях, но промолчали о своей встрече с морской женщиной-вехр.

На седьмом году младший брат вдруг отказался от пищи, перестал спать и разговаривать. Каждый день, как только солнце поднималось над морем, стал выходить он на берег и петь песню. Пел до самого захода солнца. Люди пытались успокоить его. Но он никого не хотел слушать. Так с песней и ушел охотник. Говорят, это звала его морская женщина-вехр.

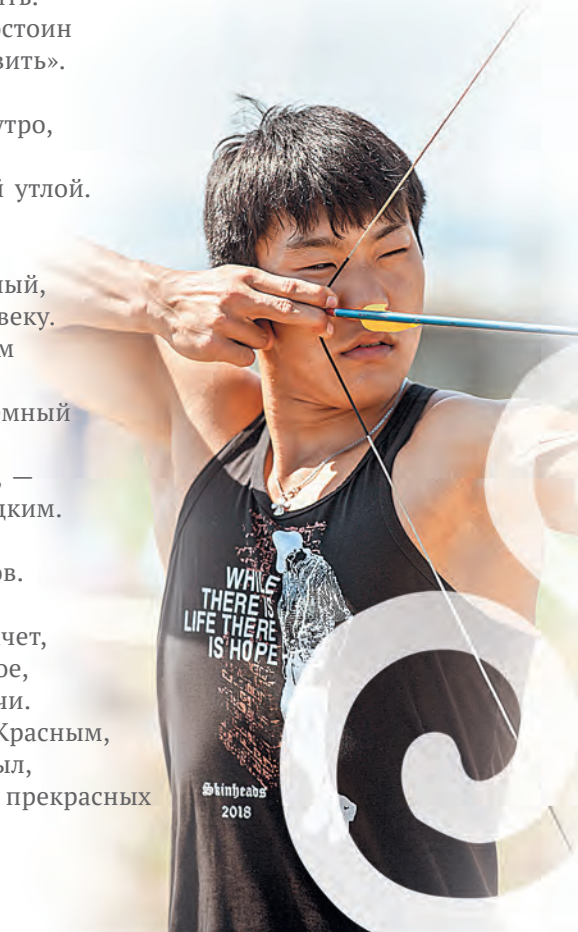

РОЖДЕННЫЙ
ЫХМИФОМ

Дрался с врагом Человек Ыхмифа
Так, словно воином был с рождения.
Крепче скалы семиглавый ворог,
Даром что прожил многие лета.
Звону железа вторили горы,
Эхом войны разбудив полсвета.
Больно кусала сабля-волчиха,
Если в сраженье сближались двое.
Но не умел Человек Ыхмифа
Видеть в потемках ночной совою.
Тени ночные шамана прячут.
Верток старик и лукавить любит.
Сколько волчиха во тьме не скачет,
А ни одной головы не срубит.
Вот окровавила вражья сабля
Раз и другой Человеку тело...
Молится воин, чтоб тьма ослабла,
Ждет он рассветной полоски белой.
Но у природы свои порядки:
Сроки блюдет и в любви, и в гнев.
Горько вздыхает костер в распадке,
Ибо горит на земле — не в небе.
Как развиднелось над горизонтом,
Сразу шаман притомился вроде...
— Хэй, — Человеку кричит он. — Вон там

Шестиголовая туча бродит.
Я отдыхать на голову сяду,
Ты на хвосте сиди, невезучий!
Но, повернувшись к шаману задом,
Хвост подставляет злодею туча.
Сел поскорей на голову воин,
Рад, что сумел врага обесславить.
«Видно, — подумал он, — недостоин
Черный шаман природою править».
А между тем над Серой горою
Белым цветком распустилось утро,
Море кипит волной заревою,
Тонет в нем сумрак лодчонкой утлой.
Видят глаза далеко и ясно!
Тут говорит шаман Человеку:
— Вот погоню я тебя, несчастный,
К месту, где милкам везло от веку.
Где Талиглафское море гребнем
Чешет Соленому морю косы,
В донные трещины огонь подземный
Рвется, бока раскалив утесам.
Волны от жара вопят и скачут, —
Там и полакомлюсь гостем редким.
В памятном месте моей удачи
Много твоих изварил я предков.
И, негодую, ответил воин:
— Сердце мое о погибших плачет,
Только ведь есть и место другое,
Место моей — не твоей — удачи.
Там, между морем Черным и Красным,
Где никогда ты, безумец, не был,
Женщин, как солнечный день, прекрасных
Мне подарило доброе небо.

Вот погоню тебя, бессердечный,
Я к шестипалой горе могучей,
Правой рукой моей человеческой
Скину тебя, людоеда, с кручи!
Взвизгнул, затрясся старик от гнева.
А Человек, зарей осиянный,
Кровь утирая рукою левой,
Правой рукою разит шамана.
Тучу сглотнул семиглавый старец —
Так пересохло нутро от жажды!
Сабельной раны густой багрянец
Паром исходит при вдохе каждом.
Солнце воюет с шаманом Черным,
Светит в глаза, чтобы стал незрячим.
Тут и погнал Человек проворно
Недруга к месту своей удачи.
Вот он, морской утес шестипалый!

Дым над вершинами треплут ветры.
Вспомнилось воину: этим скалам
Весь табачок свой принес он в жертву!
Чайки морские летят к знакомцу,
Дружным его привечают криком.
В синей воде отразилось солнце
Женским своим лучезарным ликом.
Все и теперь, как было когда-то...
Лишь у скалы, что глядит в воду,
Выросли детки: один к закату
Тянет ладонь, а другой — к восходу.
Сел Человек на отросток скальный,
Что заревыми горит огнями.
Старец, снедаем завистью тайной,
Сел на другой, одетый тенями.
Молвит врагу Человек Ыхмифа:
— Время нам снова с тобою биться!

Черный шаман отвечает тихо:
— К смерти, дружок, зачем торопиться?
Славно мне здесь отдыхать с тобою.
Море молчит, и спокойны горы.
То ли страшится нового боя,
То ли устал семиглавый враг.
Трубку свою набил табаком он,
Курит, сказительствует о давнем...
И, как дитя, дремотой окован,
Воин расслабленно лег на камни.
Взвизгнула в страхе сабля-волчиха,
Змей о камня хвостом ударил:
— Хэй, берегись, Человек Ыхмифа,
Зелье снотворное курит старец!
Чайки клянут обман окаянный,
Белым щитом над уснувшим кружат,
Крыльями хлещут саблю шамана,
Словно хотят затупить оружие.
Но кровожадно хохочет старый
Над слабосильною той помехой
И для предательского удара
Саблю заносит над Человеком.
Тут, как стрела, вознесся над твердью
Змей и обрушил себя на скалы,
И пред лицом той жертвенной смерти
Дрогнул морской утес шестипалый.
Загрохотал камнепад. С разбегу
Саблю из рук людоеда выбил,
И не успел шаман Человеку
Голову напрочь отсечь, как рыбе.
То ли от грохота, то ли от крика
Чаек морских пробудился воин.
Видит: в опасности был великой.

Понял: презренья старик достоин.
Но с безоружным врагом квитаться
Не позволяют древние горы.
И Человек бесчестному старцу
Молвил: — Ищи свою саблю, враг.
Даром что плоть моя кровоточит.
Мне полетать-поиграть охота.
Стану за правду я дни и ночи
Биться до смертной твоей зевоты.
Ринулся старец ветра быстрее,
Саблю свою разыскал на склоне,
А Человек сколь ни кличет змея,
Зовам в ответ только ветер стонет.
Чувствует воин, что дело худо:
Нет надежд на взлет поднебесный,
И говорит он шаману: — Буду
Пешим сражаться с тобой, бесчестный.
Станет неравною наша битва,
Будь же ты век за нее в ответе,
Пусть сохранит земля незабытой
Стыдную весть о твоей победе.
Э, устрашится и трус позора,
Если не будет стыду забвенья,
Дрогнул шаман и, блистая взором,
Грянул о камень свое сиденье.
Молвил он, страх за усмешкой пряча:
— Славно же ты старика потешил!
Чтоб не срамил ты моей удачи,
Буду и я состязаться пешим.
И занялась последняя битва,
Громом железа качая дали.
Прыгая между бугров и рытвин,
Падали двое и вновь вставали.

В черных разъемах камней рваных
Струи кипели крови и пота.
На Человеке четыре раны,
А на шамане уже без счета.
Отдыха больше злодей не просит,
Воет и мечется, как в падучей.
Смертным ударом вспорол и сбросил
Воин шамана с отвесной кручи.
Там, где упал он, вспенились волны,
Как над сокрытым опасным рифом,
И, двуединого чувства полный,
В голос взрыдал Человек Ыхмифа:
— Ыы, великий шаман, семиглавый ворог!
Был твой разум затейлив и властен нором,
Было в глыбках зрачках твоих волчье пламя,
Были мышцы твои словно круглый камень.
Подломились колена твои, ослабли.
Ты от горла до паха распорот саблей,
Опорожненным чревом свистя и воя,
Семиглавой скалою ты рухнул в море.
Нет прощенья твоей кровожадной воле,
Нет названья моей неразумной боли,
Но не смею проклясть боевые раны
И глумиться над прахом твоим не стану.

Помышлял ты, как я, о земной работе,
Но кормил свою силу людскою плотью.
О грядущем болея со мною вровень,
Ты любил красоту, да не той любовью.
Летом греются камни, зимою — стынют.
Благовонье и смрад на земле едины.
Нет ни зверя, ни птицы без темных пятен,
Но закон двуединства лишь кротким внятен.
Обошло тебя солнце теплом и светом.
У природы ночами ты крал секреты.
Умываясь слезами, крича от боли,
Уступала она твоей лютой воле.
Но не родич ты ей и в пучине гиблой
Ни растением не станешь морским, ни рыбой.
Ыы! Пропал ни за что твой рассудок смелый!
Семь голов бы твоих — да к другому делу!
Там, где ныне лежишь ты, пусть волны кружат.
Там, где нынче лежишь ты, пусть чайки кружат.
Упреждением беды для рыбацких лодок
Пусть кричат и гудят голоса природы.
А хребет шестипалый, бровей не хмурия,
Пусть отныне в спокойствии трубку курит,
Ибо в солнечном месте моей удачи
Будет воинский плач мой последним плачем!

THE “WISE” SEAL

Once there was a Seal who lived happily in a bay. In the daytime he came up onto the beach and basked in the warm summer sun. After having a good sleep he plunged in the water and frisked about to his heart's content. Then he caught delicious fish, and there was a lot of fish of all kinds in the bay.

In time the Seal grew fat from this high living and started to give advice to other animals and birds.

He said to the Crow:

"Hey, you Crow, you Hungry Eyes. You live long but you have never tasted a living thrashing fish. Poor you, you feed yourself on offal. I pity you. You should have been born a seal."

He said to the Hare:

"Hey, you Hare, the Footloose. You run about the woods so much in search of bark. And still you are as thin as an alder twig. I pity you. You should have been born a seal."

And so the Seal lived and lectured the animals and birds. Once a Fox came to live in the bush near the shore. The Seal saw the Fox several times and tried to engage him in conversation, but the Fox kept avoiding the Seal. So the Seal came to dislike the Fox.

All the summer through the Fox fed himself on mice and berries and by poaching eggs from bird-nests. In the autumn he caught mice, stalked young and silly birds and cracked nuts. But he fell on lean times in winter and barely survived till spring.

In spring, the hungry Fox remembered about the Seal. He went to the shore and saw the Seal swimming about in an open stretch of water. The Fox's mouth watered. But he had no chance against the Seal, who was so big and strong, and swam in ice-cold water in which the Fox could not hold out for a moment. But then the Fox caught sight of the Seal Cub. It was fat, white, and still quite helpless lying on an ice-floe not far from the shore.

The Fox jumped on a projecting cape of ice and danced as if he were happy to meet the Seal. "Why are you dancing?" the Seal inquired.

"I have cause to be happy! I have long wanted to meet you, wise Seal!" said the Fox dancing all the while. He was, of course, dancing because of hungry impatience.

"What do you want of me?" asked the Seal.

"Please, Seal, can you teach me to count?"

"Why do you need to count?" the Seal wondered. But, flattered by the attention of the Fox, he thought to himself, I am so wise, the Fox himself has come to learn from me.

"I want to be able to count my friends. You are a friend. And I want to be friends with the other seals too."

"All right, I'll teach you how to count," said the Seal. "Now, repeat after me."

The Fox bent over the edge of the ice and got ready to jump.

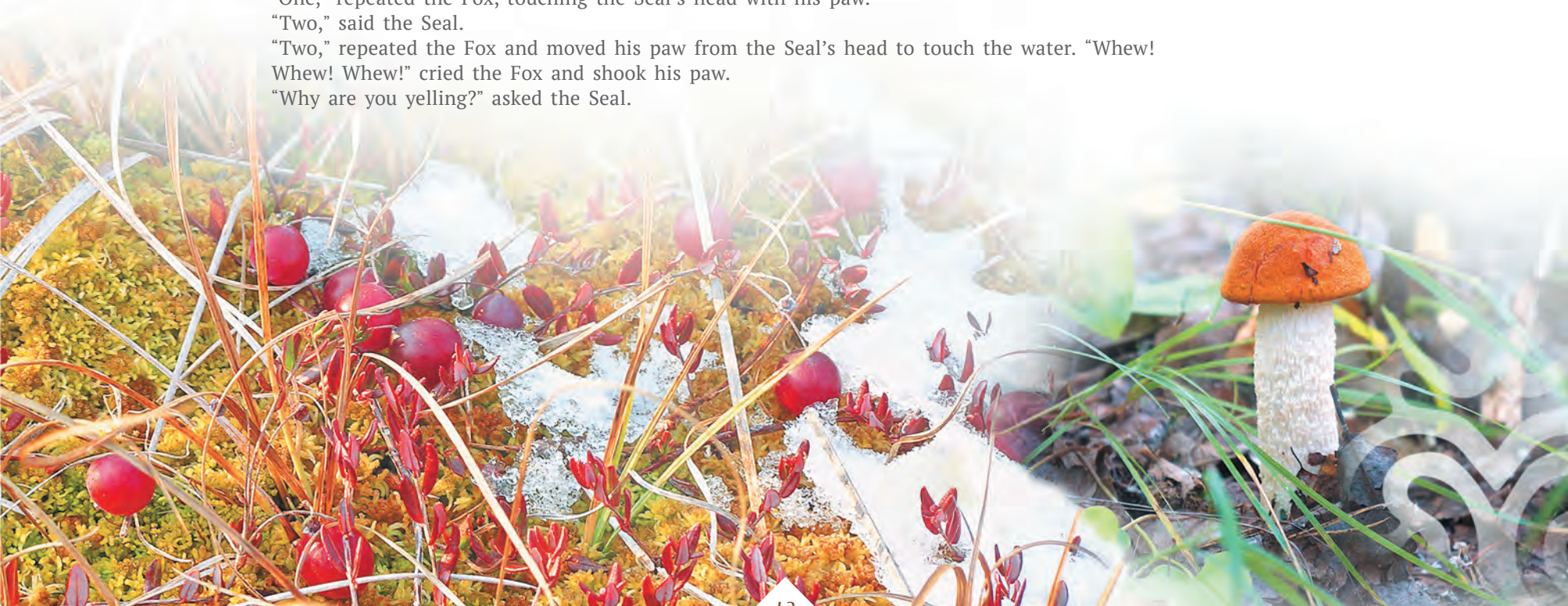
"One," said the Seal.

"One," repeated the Fox, touching the Seal's head with his paw.

"Two," said the Seal.

"Two," repeated the Fox and moved his paw from the Seal's head to touch the water. "Whew! Whew! Whew!" cried the Fox and shook his paw.

"Why are you yelling?" asked the Seal.

"I wet my paw," the Fox complained.
"Shake it and hold it up in the wind," the Seal advised. "Afraid of the water, shame on you! You should have been born a seal."
The Seal waited a long time for the fur on the Fox's paw to dry, and then said:
"Let's try again. Here we go. One..."
The Fox repeated.
"One..."
"Two..."
The Fox repeated:
"Two..." and touched the water again.
"Whew! Whew! Whew!" he yelled and shook his paw.
"You are so clumsy! Why do you wet your paw?" the Seal grumbled.
"I can't help touching the water because there is no one there. You see, you are 'one', but there is no 'two' — just an empty place."
"Now I see!" the Seal smiled ironically and swam to fetch his friends. He brought them and had them lined up and said, "Fox, let's go on. So, this is 'one'..."
"One," said the Fox and jumped on a seal's head.
"Two," said the Seal.
"Two," repeated the Fox and skipped to the next seal's head.
"Three," said the Seal.
"Three," repeated the Fox and jumped to a third head.
"Four..."

“Five...”

The Fox jumped from one seal’s head to the next using his tail to keep his balance.

At the count of “nine” the Fox reached the ice-floe, alighted and shouted back:

“And now don’t disturb me, I’ll practice counting by myself.”

The seals moved away not to distract the Fox. The Fox meanwhile gobbled up the delicious fat Seal Cub. When he had finished eating he came to the edge of the ice and shouted:

“Hey, seals! I’ve learnt to count!”

The seals came back to the ice-floe and ranged themselves for the Fox to skip over their heads:

“One, two, three, four, five, six...”

He reached the shore, jumped on the ice-cape, looked back over his shoulder and waved his furry tail.

“Thank you. Goodbye...”

And the Seal thought: “How wise I am. I’ve taught the Fox to count in no time.”

“Soviet literature” magazine, № 8, 1979.

THE ADVENTURES
OF TWO BROTHERS

In the village of Keker-vo, now called Piltun, lived an old man and his wife and their two grown sons.

Both sons were lucky hunters. They always came back from the hunt with a rich kill, and if they set their nets they made a large catch. They were very lucky hunters.

First the old man found a wife for his elder son. A young girl. A little later he said to his younger son:

“Would you too like a wife?”

The younger replied that it was time for him to have a wife, so the old man found him one too. Within a fortnight after the younger man took a wife, spring came. The first grass cast a blue tinge over the earth.

The old man said to his sons:

“The ice has buckled and broken. The time has come to hunt for sea animals. Launch your boat and set out.”

The young men had been waiting eagerly for this day. They pushed their boat into the water and climbed in. A wave snatched it up and carried it out to sea. The younger brother sat at the oars, the elder at the rudder in the stern to steer the boat.

Four people remained behind: the mother, the father, and the two wives. The old man stood for a long time on the shore looking after the receding boat. The wives of the two young men stood there too.

The hunters spent the whole day hunting but not a seal did they find. Never before had they known such bad luck. The elder brother said in disgust:

“Let us go home. We have come here in vain, there is not a sign of a seal.”

They began rowing in the direction of shore. But presently a fog rose out of the sea. The fog was so thick that the brothers had difficulty in seeing each other, let alone the shore. And the wind changed. The brothers could only guess where they were going.

Night came. Then day. Still they rowed. The fog was thicker than ever. Now the brothers had been away for many days. At first they kept count of them, then they lost count. Their mother and father sorrowed for them back at home: "Our sons have perished." They refused all food; they wept day and night.

The huntsmen, feeling neither hunger nor cold, kept on rowing with no idea of where land was. The elder brother thought to himself: Probably many months have passed since we left home, but he did not say it aloud for fear of frightening his younger brother.

"I fear we shall die, I fear we shall never see our home again," said the younger brother.

The elder motioned for him to take his place at the rudder. The younger crawled into the stern of the boat and began to steer. Both of them were so weak by this time that the boat hardly moved through the water.

Once the younger raised his head and saw an opening in the fog ahead of him. He told his brother. The elder raised his head and also saw a spot in the sea where the fog had lifted.

The sun rose out of the sea and into the sky. The brothers pointed their boat in the direction of the rising sun. Soon the fog lifted everywhere.

In front of them they saw a bay, but they did not recognise it.

The younger said:

"There is land ahead of us. We must surely reach it. We can leave our bones even on foreign soil."

"Let us steer along the coast," said the elder brother.

They turned the boat into the sea-wind, the Tlani-la. When they had been going for some time they found themselves in a bay belonging to the un'rkis, the ogres. So many un'rkis gathered on the shore that the sand was black with them. The chieftain of the un'rkis had eight heads, the others had six. The un'rkis kept beckoning to the brothers to come ashore.

The younger said:

"They are calling us. Terrifying as it is, let us go to them. If we must die it is better to die on land."

The elder did not agree with him:

"This shore is inhabited by un'rkis, those very un'rkis we have been warned against since childhood. We must not go ashore. No death is so dreadful as death in the teeth of the un'rkis."

Naked un'rki women ran along the shore calling to them, promising them love.

The younger brother turned the boat sharply out to sea and the elder rowed with all his might. Their boat leaped from the crest of one wave to the crest of another. The un'rkis launched their birch-bark boats and set out after them. There were so many of them that they covered the entire surface of the water. They caught up with the brothers. The eight-headed chieftain got hold of the stern of the brothers' boat. But just then a giant wave struck them and the un'rkis' light boat capsized. Un'rkis do not know how to swim and so all of them were drowned. The wind blew their birch-bark boat out to sea. The rest of the un'rkis were frightened and turned back. The brothers' boat was made of stout poplar wood and their father's skilful hands had fashioned it. It did not capsize under the blows of the waves. Now the brothers proceeded more slowly, figuring where they should go. They went along the shore. The younger brother kept saying: "Let us land on this shore. It makes no difference where we leave our bones — on the sand or among bushes." But the elder kept going on and on without listening to him. When the sun had dropped low over the sea, the elder stopped rowing, stood up in the boat and scanned the shore-line. There he saw a house standing all alone. Once more the younger began urging him to land. This time the elder listened to him. A wave carried the boat to shore. The elder lifted it by the nose, the younger pulled it by one of the oar-locks and together they got it a few paces up on the beach. A little higher stood a takki, a mooring pole, but they lacked the strength to reach it and tie the boat to it. A path led from the sea to the house. It was well-worn, as if frequently trod. Yet, not a sound came from the house, as if it were not lived in, or as if those who lived in it had gone away. "What matter if it is empty?" said the younger brother. "Let us go in and spend the night." They climbed the path and stopped in front of the door of the silent house. The sun had gone down but it was still light. The door faced the setting sun. "Let me go in first. Perhaps an un'rk is waiting for us inside," said the elder brother. He crossed the threshold first. He looked to the right, he looked to the left. He saw a big and handsome woman sitting and smoking with her head turned away from them. Her skin was white, she had a long braid, she was wearing rich and elaborately decorated fur clothes and had gold rings in her ears. The brothers entered and sat down on the guest bench.

“Ngarkara,” exclaimed the woman kindly. “At what place did you lift yourselves up to bring your bodies here?”

The brothers were overwhelmed by her hospitality.

“We ourselves do not know how we got here,” said the elder. “We only know we have been lost at sea for months and have well nigh lost our wits along with our bearings. We lifted ourselves up in Sakhalin and set out to find meat for our bellies. But we got lost.”

“Poor men, I do indeed feel sorry for you. I will feed you,” said the woman.

She cut off a beautiful piece of white-salmon yukola and strained off some seal oil that was kept in a dried seal’s belly. As she set the table with the food on it in front of them she said: “Do not eat much all at once. Rest, then eat a little more. After so long a fast you must not eat a lot all at once.”

The brothers felt more grateful to her than ever and told her so. After eating a little they said they had had enough and pushed the table away.

“Take off your clothes and go to sleep. You are brave men indeed to have reached this place. Rest tonight and go on your way tomorrow. Sling the yukola over your shoulders and put the sacred chips, nau-nau, on your backs.” That is what the woman said.

“We will go on our way tomorrow,” repeated the brothers.

The woman said:

“If you set out tomorrow when the sun comes up, you will reach the end of this land when the sun goes down. Look into the distance and you will see a big wave coming in and breaking on the shore. Heed my words. According to ancient belief, the people of Sakhalin are lucky people; if this were not so you would not have reached my house. Tomorrow after sundown you will reach land’s end. Remember the spot on which the big wave breaks. There you will find a hut. Enter it. An old man lives in it. Nobody else lives there. The old man is white with the whiteness of his great age. He wears a tunic of salmon skin and boots of salmon skin and his bed-clothes are of salmon skin. Beside him lie mittens of salmon skin and a cap of salmon skin. You will find him asleep, stretched out on his back. The hut is small, but enter it and sit down wherever you find room. He will wake up and grumble when he sees you. Tell him about your misfortunes as you told me about them.”

So saying, the woman left the brothers to go to bed. They took off their boots and put them under their heads, they took off their clothes and used them for covers. The next moment they were snoring.

In the middle of the night the younger brother woke up. His brother was sleeping soundly. The younger one went out, looked to see what the weather was like and came back. He lay down. But he could not go to sleep. He was consumed by love for the woman who had taken them in. When he could endure it no longer he sat up.

“Ait! We men know only too well what comes easily and what comes hard.”

He got up and went over to the woman. When he reached her she took his hand and drew him to her. He nearly fainted with joy.

She said to him:

“Why have you come here? You must not come to me.”

“I do not know. Suddenly I wanted you. I cannot overcome my feelings.”

“I am not to be loved,” said the woman. “Tomorrow I will show you a pit full of boiling water. It is not far away. There lie the bones of those who have sought my love. The pit is full of bones. I am sorry for you, I will not destroy you, but I will give you pain.”

“The people of Sakhalin are lucky people,” replied the young man, but no sooner had he said it than he felt a change in himself, he felt pain entering his body. It hurt when he stood up, it hurt when he lay down; it was very great pain.

His elder brother woke up. He saw his younger brother writhing in pain near the woman. One leap and he was beside him.

“What has happened?” he asked.

“The woman has hurt me,” replied his brother.

The woman said:

“Do not blame me, blame yourself. You are the guilty one.”

Sakhalin people are honest people, so the brothers agreed that they were to blame.

When it grew light the woman prepared breakfast and fed them, then she gave them each a side of salmon for the road and fastened nau-nau to their backs.

She said:

“One of you is ill. How will you reach your destination? I am sorry for you but you cannot remain here with me.”

The brothers were so grateful to her for her care that they nearly fell on their knees before her. The elder brother took the younger’s arm, swung it over his shoulder, and, supporting him thus, set out. They went some distance. They went very slowly. They lay down to sleep on bare sand, on grass and among bushes — that was how long it took them to reach the old man’s hut. When they got there they went in. The old man was lying on his back. He woke up and looked at the strangers.

“Where have you come from and why are you here?” he asked.

“We have been wandering for so long we hardly know ourselves any more. How shall we explain it all to you?” said the brothers.

But the old man knew all about them without their telling him.

“Why did you go to the water-vechr? Did she not try to keep you captive?” asked the old man.

“We did not know that that woman was a vekhr. She eats like a human being, she talks like a human being and she looks like an ordinary woman,” replied the brothers. Without getting off his bed, the old man reached under it and took out a living, squirming salmon and killed it by striking it on the head with a stick.

“Here,” he said. “Boil it and eat it.”

They boiled it in the old man’s pot. When the fish was done they put it in a wooden bowl, sat down comfortably and helped themselves. Scarcely had they lifted the fish to their mouths and licked it with their tongues when they were so full they thought their bellies would burst. They looked at each other in astonishment.

“What’s the matter?” asked the old man, laughing. Then he said, “Take the fish outside and throw it away. Get ready to go to bed; lie down and sleep.”

As soon as the brothers lay down they fell fast asleep. It was morning when they woke up.

The old man was lying on his back as he had been lying the day before. The brothers did not know whether he ate or not; they did not see him take food.

"What are you going to do now?" asked the old man.

The elder brother replied:

"We do not know. We have come to land's end."

"Go home," said the old man.

"How can we go home? We have no boat to go in."

"I will help you," promised the old man.

As on the previous evening, he took a live and squirming fish out from under his bed and killed it by hitting it on the head with a stick.

"Boil it and eat it. When you have eaten your fill I will see you off," said the old man.

The elder brother took the fish, slit it open and boiled it.

"I eat fresh fish all the time," said the old man.

When the fish was done the brothers sat down facing the old man and made ready to eat it. But they had only licked their fingers when their bellies were full to bursting.

"Why do you not eat?" asked the old man.

"Our bellies are full, we have no room for more," they replied.

"Then take the fish outside and throw it away. Wash the dishes and hang them up to dry. The sun is high, it is time for you to be on your way."

The brothers lingered a bit outside the hut. The old man came out to them holding a little casket in the palm of one hand. It was a golden casket.

"I will send you home in this casket," he said.

The brothers flushed with anger, thinking the old man was making fun of them.

"That casket is smaller than the palm of your hand! How can it hold us?"

"When you have climbed inside I will set you adrift," went on the old man, ignoring their words.

"When you feel the casket turning over, strike the top with your heads and open it up. You will have reached land. Once on land, you" ...turning to the elder brother, "climb the nearest hill. There you will find two deer, a white one and a black one, resting in the tall grass. When the deer sees you they will run down to the sea and jump into the casket, which you" ...turning to the younger brother, "must hold open for them. As soon as they are inside, shut the lid. The casket will leap out of your hands and come back to me. Those deer will be the exchange tribute paid by your land: two deer for two men. Is this clear?" asked the old man.

Only then did the brothers understand everything. They were the guests of Taikhngad himself, the creator of all living things. It was he who in the different seasons threw incalculable quantities of salmon into the sea and directed them to the shores of Sakhalin so that the dwellers of that land would not go hungry.

“As soon as the casket sails away,” went on the old man, “walk along the shore with your faces set into the Tlani-la. You will meet two youths. They will be hunting snipe with bows and arrows. Stop them when you meet them and ask: ‘Are your fathers alive?’ They will say: ‘We have no fathers. Long ago, before we were born, our fathers went out to sea hunting for sea-creatures and perished.’ Say to them: ‘We are your fathers.’ They will not believe you. Then give them the gold rings the mothers of your sons gave to you when you left to hunt sea-creatures.”

The brothers sailed away in the golden casket, feeling no thing but the leaping of the casket from wave to wave. In a little while the casket bumped against something solid. A wave turned it over.

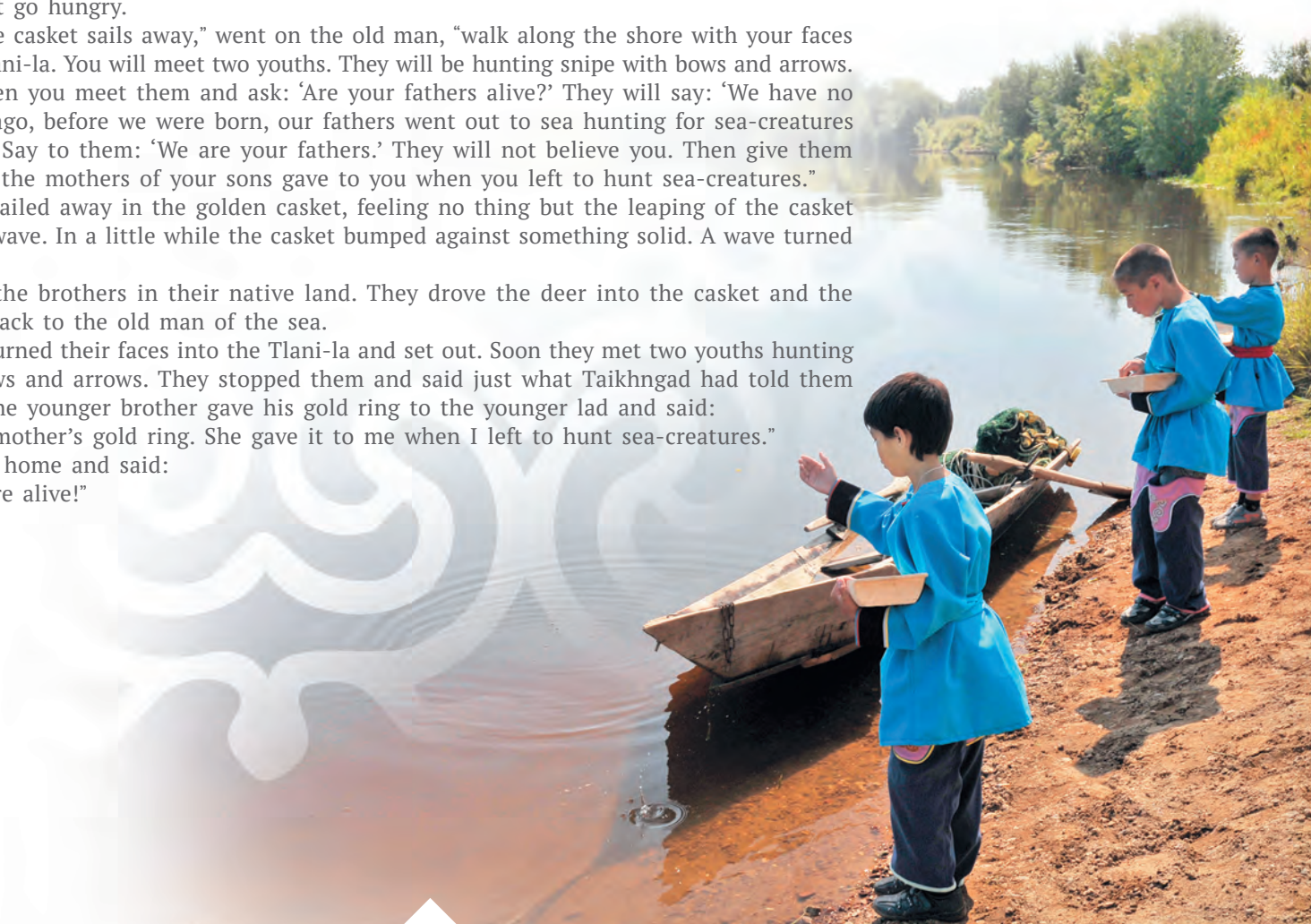
So here were the brothers in their native land. They drove the deer into the casket and the casket sailed back to the old man of the sea.

The brothers turned their faces into the Tlani-la and set out. Soon they met two youths hunting snipe with bows and arrows. They stopped them and said just what Taikhngad had told them to say. Then the younger brother gave his gold ring to the younger lad and said:

“Here is your mother’s gold ring. She gave it to me when I left to hunt sea-creatures.”

The youth ran home and said:

“Our fathers are alive!”

The mothers and the brothers' old parents were frightened. They scolded the young man for jesting:

“Uikra — that is a sin! You are speaking the names of those who have long been dead!”

“No. no! I am speaking the truth! Our fathers are alive!”

He was scolded all the harder.

Then he took the ring and showed it to his mother.

“Did you not give this ring to my father?” he asked.

On seeing the ring, the four of them, the old parents and the two wives, went down to the beach. They went over to the two men and examined them. They wept with joy and with gratitude that fate had been so good to them.

They brought the men home, where to this day they are living happily and prosperously. Now the youths go with them — fathers to catch fish and hunt animals.

Only six years after their return did they tell the story of their adventures. All their neighbours were astounded. One thing the two brothers kept silent about was their meeting with the vekhr, the sea witch.

In the seventh year the younger brother suddenly refused all food. And he could not sleep. He spoke to no one and listened to no one. Every day at the rising of the sun he went down to the seashore and sang a song. He sang it at the top of his voice. He sang it all day long, until sunset.

People tried to soothe and quiet him but he would not listen to them. That is how he, the huntsman, went away — with a song on his lips.

People say it was the vekhr who lured him away.

Translated by M. Wettlin

THE MAN
OF YKHMIF

Skilfully wielding his ancestors' weapon,
Driving the darkness away with its glitter,
Fought his fell foe the brave Man of Ykhmif
With might and main, like a warrior born.
Hard as the hardest of rocks was the Ogre,
Though he was old as the oldest of hills.
Iron struck iron, the harsh clashes echoed
Through half the world woken up by the clangour.
When the two combatants came to close quarters,
Bitterly bit the foe the She-wolf Sabre,
But the brave Man Ykhmif suffered also,
Beeing unable to see like an owl:
Billowy shadows concealed the Black Shaman.
Quick was the old foe and full of low cunning.
Dashing about in the dark, the Wolf Sabre
Vainly sought one of the sev'n heads to sever.
Two savage slashes, one after another,
Drew the brave Warrior's blood in a flood.
Praying for the pall of dark to withdraw,
Waited the Man for the white streak of Dawn.
Nature, however, swerves not from its course —
Time for all things, and all things in their time,
In love or hate. In the valley, a fire
Bitterly sighed it burned not in the sky.
When a pale light blossomed above the skyline,
The Shaman seemed tired out all at once.
"Hey!" he called out to the Man. "Over there

Wanders a white silken six-headed cloud.
I shall climb on the cloud's head for a rest,
Thou, wretch, mayst sit on the cloud's rear end!"
Only — the cloud shied away from the Shaman,
Turning its tail to the sev'n-headed villain.
Quickly the Warrior hopped on the head,
Glad that the ghouel was so sorely disgraced.
Methinks, he mused, that the monster's unworthy
Of holding sway o'er all things under heaven.
And in the meantime above the Grey Mountain
Morning had bloomed like a fragrant white flower.
The sea was seething, its waves lit by sunrays,
And like a frail bark the darkness sank in it.
Soon could the eye see all things far and near.
Again the Black Shaman spake to the brave Man:
"Now I shall drive thee, thou wretch, to a region
Where Milki warriors have never been worsted,
Where with a fine comb the Taliglaf Sea
Brushes the Salt Sea's unruly long tresses,
And subterranean fire through fissures
Bursts out and burns the steep sides of the mountains,
Where the waves weep and howl,
scorched by the heat —
There I'll regale myself on my rare guest.
There I have cooked countless forebears of thine,
In that most memorable place of my luck."
To this in wrath did the Warrior reply:
"My heart doth bleed for my dead kith and kin,
But, foe, beware! There's another domain
Where it is I who'll be lucky, not thou!
On that fair shore between Black Sea and Red
Where thou, mad monster, hast never set foot,
Mountains and morning skies gave me the gifts

Of maidens beautiful as a bright day.
Now I shall tie thee, thou heartless old Ogre,
To a six-fingered high hill by the seashore.
There I shall thrust thee, thou man-eating monster,
Off the high cliff with a clip of my hand."
Shaking, the Shaman screamed in savage rage,
And the Man, robed in the radiant light,
Wiping his flowing blood with his left hand,
Slashed at the Shaman and thrust with his right.
Burning within with unquenchable thirst,
Swallowed a whole cloud the moaning monster.
Scarlet steam from a great gash in his hide
Rose with a rush with each breath of the Ogre.
Here the Sun joined in the strife with the Shaman,
Blinding his eyes with its fierce fiery rays.
Then the Man drove his dread enemy nimbly
To the enchanted shore of his sure luck.
There was the six-fingered mount by the mere,
Swirling smoke driven by wind o'er the summits.
It was to these rocks, the Warrior recalled now,

That he had once sacrificed his tobacco.
Seagulls flew far out to greet their acquaintance,
Rending the air with tumultuous clamour.
The sun that smiled in the limpid blue water,
Luminous, looked like the face of a woman.
Everything was as it always had been.
Only the rock peering rapt in the water
Now had two striplings, one stretching his hand
Out to the west, while the other faced east.
Here the Man dropped on the outcrop of rock
Brightly lit up by the rays of the sun.
The Shaman, gnawed by an odd secret chagrin,
Perched on the rock that was shrouded in shadows.
Thus spake the Man of Ykhmif to his foe:
"Now is the time to resume our last strife!"
But the Black Shaman rejoined, softly saying:
"No need to hurry headlong into death.
It feels so fine, resting here by the mere.
Still is the sea, and the mountains are quiet..."
Feared he a fresh battle? Or did he feel

Greatly fatigued by the fighting they'd done?
Filling his pipe with tobacco, he puffed,
Telling tall tales of good times long gone by
Feeling all drowsy and faint, like a child,
Stretched out the Warrior on the hard rock.
Screamed in sheer fear then the true She-wolf Sabre,
And the Great Snake struck the stones with his tail.
"Wake up, watch out, a brave Man of Ykhmif!
It is a sleeping weed the Shaman's smoking!"
Seagulls cursed shrilly the shameless deception,
Forming a white wheeling shield o'er the sleeper,
Striking with strong wings the Black Shaman's sabre,
Striving in blind rage to blunt the foul weapon.
But the bloodthirsty old villain just laughed at
Those futile, feeble attempts to impede him,
Raising the sharp sabre high in the air
For a last, treacherous slash at the Man.
Then did the Snake like an arrow fly
Up in the clouds and crashed down on the cliffs,
And in the face of that self-sacrifice
Trembled the six-fingered mount by the mere,
Starting a rockfall that came with a roar,
Struck at the sabre, disarming the Ogre
All set to sever the sleeping Man's head
At one fell blow, as if he were a fish.
Roused from his sleep by the roar of the rockfall
And by the loyal gulls' deafening shrill din,
Saw the brave Warrior the danger he'd been in,
And his heart filled with contempt for the fiend.
But, by the law of the hills, he could not
Take his revenge on an unarmed foe.
Thus spake the Man to the infamous Ogre:
"Look for thy sabre, thou vile cunning devil.

My flesh is oozing hot blood, but I feel
Ready as ever for fight and fair play,
And I shall champion the cause of the truth
Day after day after day, till thou diest."
Swifter than wind scoured the Shaman the hillside,
Speedily finding his razor-edged sabre,
While the Man hailed his Great Serpent in vain —
Only the hollow wind howled in reply.
Then knew the Warrior that things would be hard,
For he could not hope to fly in the sky.
And to the Shaman the Man said, "I shall
Fight thee on foot, thou despicable foe.
Now will our combat be clearly unequal.
Let that forever be firmly remembered.
Let the whole world in aeons to come
To your unfair, shameful triumph bear witness!"
Even a coward can feel fear of disgrace,
If it is not to be ever forgotten.
The Shaman flinched. With a fire in his eye,
He smashed his magic seat against sharp stones.
Hiding his fear behind laughter, he said:
"That was a funny one thou thought up, Man!
Lest thou shouldst put my great triumph to shame,
I shall myself fight on foot and foil thee."
Thus they commenced the last combat between them.
Heaven and earth shook as iron hit iron.
Leaping among the deep pits and high hills,
Stumbled the combatants but to rebound.
Streams of rank sweat and dark blood boiled in black
Stony crevasses with cracked ragged edges.
Gore poured forth from the brave Man's
four deep wounds
And from the Black Shaman's countless great gahes.

Howling and hurtling about in fierce frenzy,
No longer pleaded the monster for peace.
Lo! With the last blow the Man slew the Shaman,
Ripped him wide open and threw off the cliff.
Where he fell down spouted up foaming brine,
As if concealing a dangerous reef.
And, by opposing and fused feelings torn,
Loudly lamented the Man of Ykhmif:
“Yyy, thou sev’n-headed enemy, thou Great Black Shaman!
So ingenious thy mind was, so wilful thy mood.
Such a savage fierce flame in thy lupine eyes flickered.
Hard as moonstone thy muscles were, harder than iron!
Now thy knees have grown weak, giving way under thee,
Thou’st been ripped from thy gorge to thy groin by my sabre.
Thy cleft belly emitting shrill gurglings and whistlings,
Like a sev’n-headed cliff thou’st collapsed in the sea.
No, thy bloodthirsty will never will be forgiven.
My unreasoning anguish will never be named.
But I’ll never dare damn wounds sustained in fair fight,
I shall not mock or curse at mine enemy’s corpse.
Thou hast dreamed, like myself, of great deeds on this earth,
But thou’st nurtured thy huge prowess on human flesh.
Thy concern for the future was vast as my own,

As thy passion for beauty — but bad at their best.
Stones wax warm during summer and freeze during winter.
Stench and fragrance are one — they’re the same to the earth.
Bird or beast, fair or foul — there are black spots on all,
But deep oneness of things can sense only the meek.
Thou hast not known the sun’s loving light and its warmth.
Nature’s secrets thou stole in the darkness of night.
Weeping rivers of tears and writhing with pain,
It gave in to the onslaught of thine evil will.
Thou art not Nature’s kin, though, and in the dead deep
Thou will neither a fish become, nor a fair plant.
Yyy, thy bold mind is gone, to no purpose are lost
All thy seven heads that might have done so much good!
Where thou liest now, the waves let forever swirl round.
Where thou liest now, the seamews forever will whirl.
Lest frail fishermen’s boats should come here to grief.
Let the noises of Nature sound loud and clear.
And the six-fingered ridge, let its brow ne’er be dark,
Let it quietly puff at its old pipe forever.
For in this sunny region of my great good luck
Will my warlike lament be the last lament ever!”

Translated by S. Roy

**LE VEAU MARIN
QUI SE CROYAIT SAGE**

Un veau marin vivait dans une baie. Insouciant, il sortait le jour sur la grève sablonneuse et se prélassait dans la tiédeur du soleil d'été. Après un bon somme, il rentrait dans l'eau et s'y ébattait à son aise. Puis il attrapait les meilleurs des poissons qui abondaient aux alentours. Repu de bonne vie, il se mit à faire la leçon aux autres animaux.

Il disait à la corneille:

— Oiseau de misère à l'œil famélique! Depuis les années que tu vis sur terre, tu n'as jamais goûté au poisson frétilant. Tu ne manges que des charognes, malheureuse. Quelle pitié! Tu aurais dû naître veau marin.

Il disait au lièvre:

— Sacré lièvre aux pattes trotteuses! Tu cours toujours la taïga en quête de nourriture. Ce qui ne t'empêche pas d'être sec comme un rameau d'aulne. Quelle pitié! Tu aurais dû naître veau marin.

C'est ainsi qu'il faisait sans cesse la leçon aux bêtes et aux oiseaux.

Un beau jour, un renard élut domicile dans les buissons de la côte.

Le veau marin, qui le rencontrait quelquefois, essayait aussi d'entrer en conversation avec celui-ci, mais l'autre l'évitait. Aussi le veau marin le prit-il en grippe.

Le renard dévorait tout au long de l'été souris et baies, saccageait les nids. En automne, il capturait des souris, surprenait de jeunes oiseaux encore naïfs, croquait des noisettes. En hiver, il put à peine subsister et vivota tant bien que mal jusqu'au printemps.

Alors il se ressouvint du veau marin. Il déboucha sur la grève et le vit nager entre les blocs de glace. Le renard se purléçait. Mais le moyen de se mesurer avec un animal de cette taille, de cette force? D'autant plus qu'il se promenait dans une eau glacée où le renard n'aurait pas tenu un seul instant. Puis, il aperçut un bébé veau marin. Grassouillet, tout blanc, et tout gauche, vautre sur une banquise, non loin du rivage.

Le renard bondit sur la frange de glace côtière et de sautiller, comme ravi de voir le veau marin.

- Qu'est-ce que tu as a danser? demande celui-ci.
- Mais c'est de joie! Depuis le temps que je souhaite te rencontrer, ô sage veau marin! – Et le revoilà qui sautille, qui trépigne. D'impatience, de faim, bien entendu.
- Qu'est-ce que tu me veux? questionne le veau marin.
- Je t'en prie, sage veau marin, apprends-moi à compter.
- Pour quoi faire? s'étonne le veau marin. Mais, flatté de l'attention du renard, il réfléchit: «Faut-il que je sois sage pour que le renard lui-même demande à être mon élève.»
- C'est pour savoir combien j'ai d'amis. Tu en es un, toi. Je voudrais me lier avec tous tes congénères.

— Bon, d'accord, dit le veau marin. Répète après moi.
Le renard, aplati sur la glace, est prêt.
— Un, dit le veau marin.
— Un, répète le renard en touchant de la patte la tête de son professeur.
— Deux, dit le veau marin.
— Deux, répète le renard, et, dépassant de la patte la tête de son professeur, il effleure l'eau. — Aïe, aïe, aïe! — crie-t-il en agitant sa patte.
— Qu'est-ce que tu as à crier? s'informe le veau marin.
— Je me suis mouillé la patte, gémit le renard.
— Secoue-la bien, expose-la au vent, conseille le veau marin. On n'a pas idée d'avoir peur de l'eau. Tu aurais du naitre veau marin.
Il doit attendre longtemps que la patte du renard sèche. Lorsque c'est fait, il dit:
— Re commençons. Allons, un...
Le renard répète:
— Un...
— Deux...
Le renard répète:
— Deux... — Coup de patte au ras de l'eau. — Aïe, aïe, aïe! —
Et d'agiter sa patte.
— Maladroit, va! Pourquoi trempe-tu ta patte? grogne le veau marin.
— Comment veux-tu que je fasse autrement, s'il n'y a personne? Toi, tu es «un», et pour «deux», personne.
Ça ne fait pas «deux», c'est du vide.
— Ah, bon! ricane le veau marin et il s'en va chercher ses compagnons. Les ayant placés en file, il dit: — Continuons, renard. Allons, un...

- Un, dit le renard en bondissant sur la tête du veau marin.
- Deux, dit celui-ci.
- Deux, repete le renard, bondissant sur la tête suivante.
- Trois, dit le veau marin.
- Trois, répète le renard, bondissant sur la troisième tête.
- Quatre...
- Cinq...

Le renard saute d'une tête a l'autre, la queue en gouvernail pour ne pas tomber a l'eau.

Au nombre «neuf», il est parvenu à la banquise, y atterrit, se retourne en criant:

- Laissez-moi, je vais m'exercer tout seul.

Les veaux marins s'éloignent pour ne pas déranger l'élève appliqué. Entre-temps, le renard mange leur bébé grassouillet, savoureux. Une fois rassasié, il revient au bord de la banquise:

- Hé, veaux marins! J'ai bien appris à compter!

Les veaux marins arrivent, se mettent en file. Le renard saute d'une tête a l'autre:

- Un, deux, trois, quatre, cinq, six...

Parvenu près de la grève, il bondit sur la glace côtière, tourne un peu la tête, bouge sa queue touffue:

- Merci! Et au revoir!..

Le veau marin pense: «Que je suis donc sage de lui avoir si vite appris à compter.»

Traduit par H. Lafont

LES AVENTURES
DE DEUX FRÈRES

A Kékr-vo, un village qui s'appelle maintenant Pilioune, vivaient un vieux et une vieille avec leurs deux fils déjà adultes.

Les deux gars étaient des chasseurs habiles. Ils rentraient toujours de la chasse chargés de gibier, et s'ils jetaient leurs filets, ils attrapaient beaucoup de poissons. Ils avaient toujours la chance pour eux.

Le vieux trouva une femme pour l'aîné d'abord, une toute jeune fille. Au bout de quelque temps, il demanda au cadet:

— Et toi, veux-tu te marier?

Le cadet répondit qu'il avait bien l'âge de prendre femme lui aussi.

Deux semaines après le mariage du plus jeune, le printemps commença. La terre se couvrit d'une herbe tendre et bleue.

Le vieillard dit à ses fils:

— La glace s'est soulevée et s'est brisée. Le moment d'aller chasser en mer est venu. Mettez la barque à l'eau et allez à la chasse.

Les jeunes gens attendaient ce jour-là depuis longtemps. Ils poussèrent la barque à l'eau et montèrent dedans. Une vague qui déferlait les emporta et les entraîna au large. Le plus jeune tire les rames, l'aîné est à l'arrière et dirige la barque.

Les quatre autres sont restés à la maison: le père, la mère et les deux femmes. Pendant longtemps, le vieux se tint sur le rivage et suivit ses fils du regard. Les épouses des deux jeunes gens étaient aussi sur la grève.

Les chasseurs restèrent en mer jusqu'à la nuit tombée sans avoir vu un seul veau marin.

Il ne leur était encore jamais arrivé de rentrer bredouilles. L'aîné, dépité, dit:

— Allez, on rentre! On aurait mieux fait de ne pas venir ici, il n'y a rien à pêcher!

lis se mirent à ramer en direction de la côte. Mais, la mer se couvrit de brouillard. Il était si dense que les frères se distinguaient à peine l'un l'autre. Et le vent tourna. Les frères continuèrent à l'aveuglette.

La nuit tomba. Puis ce fut le jour. Et ils continuaient toujours à ramer. Le brouillard s'épaissit encore. Les frères errent sur la mer depuis plusieurs jours déjà. Au début, ils comptaient les jours, puis ils en ont perdu le fil.

A la maison, le père et la mère se lamentent:

— Nos enfants sont morts.

Ils refusent toute nourriture. Ils pleurent nuit et jour.

Nos chasseurs, eux, ne sentant ni le froid ni la faim, continuent à ramer, q l'aventure. L'aîné pense: «Il y a sans doute bien des mois que nous errons.» Mais il se tait pour ne pas faire peur au plus jeune.

— Maintenant, c'est sûr, nous allons mourir, nous ne reverrons plus jamais notre maison, dit le frère cadet.

D'un geste, l'aîné lui commande de se mettre à la barre. Le plus jeune se traîne à l'arrière et commence à manœuvrer le gouvernail. Ils sont tellement épuisés tous les deux que la barque avance à peine.

Un jour, le cadet lève la tête et voit une éclaircie devant lui. Il le dit à l'aîné. Celui-ci lève la tête et voit lui aussi devant eux la mer débarrassée du brouillard.

Le soleil surgit des flots et monte dans le ciel. Les frères dirigent leur barque du côté du soleil levant. Bientôt, le brouillard se dissipe tout à fait.

Une baie dans une terre inconnue s'offre à leurs regards.

Le cadet dit:

— Devant nous, il y a une terre. Si on pouvait seulement accoster. Nos os, nous pouvons bien aussi les laisser sur un sol étranger.

— Suivons la côte, répond l'aîné.

Ils font virer la barque et naviguent contre le Tlani-la. Un peu plus tard, ils entrent dans la baie des Ounrks. Il y a une telle foule que tout le rivage sablonneux en est noir. Le chef des Ounrks a huit têtes, les autres en ont six. Les Ounrks les appellent pour les faire accoster.

Le cadet dit:

— Ils nous appellent. Bien sûr, ils sont effrayants, mais approchons-nous quand même de la côte. S'il faut mourir, mourons sur la terre ferme.

L'aîné répond:

— C'est un village d'Ounrks qui est sur la côte, ce village dont on nous parlait déjà quand nous étions enfants. Il ne faut pas s'approcher de la côte. Il n'y a rien de pire que de périr sous les dents des Ounrks.

Les femmes des Ounrks, nues, courent sur le sable et hèlent les deux jeunes gens, leur promettant leur amour.

Le frère cadet fait tourner brusquement la barque vers la mer, l'aîné appuie sur les rames de toutes ses forces. La barque des frères vole sur la crête des vagues.

Les Ounrks mettent à l'eau leurs embarcations en bois de bouleau et se lancent à leur poursuite. Ils sont si nombreux que l'on ne voit plus les flots.

Ils ont rejoint les deux frères. Le chef à huit têtes saisit l'arrière. Mais à ce moment-là, une grosse lame s'abat sur lui. La barque de bouleau des Ounrks pique du nez dans les vagues et se retourne. Les Ounrks ne sachant pas nager, tous se noient. Le vent entraîne leur barque de bouleau au large. Les autres prennent peur et rebroussement chemin.

La barque des frères avait été faite en solide bois de peuplier par les mains habiles de leur père. Elle supportait bien le choc des vagues sans se retourner.

Maintenant, les frères voguent sans se presser, réfléchissant à ce qu'ils vont faire.

Ils longent la côte. Le cadet ne fait que dire:

— Accostons. Dans les broussailles ou dans l'herbe, qu'importe où, nous laisserons nos os!

Longtemps, longtemps, sourd aux prières de son frère, l'aîné mène la barque.

Un jour, alors que le soleil déjà bas était comme suspendu au-dessus de la mer, arrêtant de ramer, il se leva de toute sa hauteur et se mit à examiner la côte. Il voit une maison toute seule. Le cadet recommence à persuader l'aîné de s'approcher du bord. Enfin, il est d'accord.

Une vague porta l'embarcation sur la grève. L'aîné souleva la barque par l'avant, le cadet la tira par le tolet et ils la traînèrent sur le rivage de quelques pas.

Un peu plus haut, un piquet était fiché dans la terre. Mais ils n'eurent pas la force de halier la barque pour l'attacher.

Un sentier conduisait à la maison. Il était bien tassé, on voyait qu'il avait été suivi bien des fois. Mais dans la maison, c'était le silence complet: ou bien elle était vide, ou bien les propriétaires étaient partis.

— Tant pis pour le patron. Entrons, passons-y la nuit, dit le cadet.

Ils suivirent le sentier qui monte et ils s'arrêtèrent sur le seuil de la maison silencieuse. Le soleil s'était couché, mais il faisait encore clair. La porte donnait sur le couchant.

— Laisse-moi entrer le premier. Peut-être y a-t-il la un Ounrk qui nous guette, dit l'aîné.

Il franchit le seuil le premier. Il regarda à droite, puis dans le coin à gauche. Il vit une femme de haute taille, jolie, qui était assise et regardait de l'autre côté; elle fumait. Elle avait des boucles d'oreille en or, le teint blanc, de longues tresses, elle portait un vêtement de fourrure richement orné.

Les frères entrèrent et s'assirent au milieu de la couche de planches réservée aux invités.

— Ngarkara! D'où venez-vous, d'où avez-vous porté vos personnes jusqu'ici, demanda la femme. Les frères faillirent bien mourir de reconnaissance à cette marque de bienveillance.

— Nous ne savons pas nous-mêmes comment nous sommes arrivés ici, fit l'aîné, nous avons erré en comptant les mois, nous avons complètement perdu l'esprit. Nous sommes partis d'Ykh-mif pour chercher quelque chose à nous mettre sous la dent. Mais nous nous sommes égarés.

— Pauvres gens, je vous plains. Je vais vous dormir à manger, dit la femme.

Elle coupa de belles tranches de saumon blanc séché, d'un estomac séché de phoque elle versa de la graisse de veau marin. Elle plaça près d'eux une petite table avec la nourriture et leur fit des recommandations:

— Mangez un peu et puis reposez-vous. Ensuite vous mangerez encore un peu. Il ne faut pas manger beaucoup à la fois.

Les frères renouvelèrent leurs remerciements. Ils mangèrent un peu, déclarèrent qu'ils n'avaient plus faim et repoussèrent la table.

— Faites un peu de toilette et couchez-vous. Vous êtes des hommes intrépides puisque vous avez atteint nos parages. Reposez-vous et demain vous poursuivrez votre voyage. Vous chargerez du poisson séché sur vos épaules. Vous vous accrocherez naou-naou sur le dos, ainsi leur parla la femme.

— Demain nous poursuivrons notre voyage, répondirent les frères.

La femme dit:

— Si demain vous vous mettez en route avec le soleil, vous atteindrez l'extrémité de cette terre à l'heure où le soleil se couchera. Vous regarderez au loin et vous verrez une grande vague s'approcher et se briser sur le rivage. Ecoutez-moi attentivement. Selon votre tradition, les habitants d'Ykh-mif possèdent le bonheur. S'il n'en était pas ainsi, vous n'auriez pas atteint ma maison. Demain, après le coucher du soleil, vous parviendrez au bout de la terre. Rappelez-vous l'endroit où s'est brisée la grande vague. Près de cet endroit, vous verrez une maison. Vous y entrerez. Un vieillard très vieux s'y trouvera. Il n'y aura personne d'autre. Il a la tête chenue, ses vêtements sont en peau de saumon, ses chaussures aussi sont en peau de saumon, et son lit est en peau de saumon. Près de lui seront posés des moufles en peau de saumon et un bonnet en peau de saumon. Le vieillard dormira, étendu sur le dos. Il n'y a pas beaucoup de place, mais entrez quand même et asseyez-vous à la place vide. Le vieillard se réveillera, il ne sera pas content et grognera. Alors, vous lui raconterez vos malheurs, comme vous me les avez racontés.

Après leur avoir donné ces conseils, la femme installa les frères pour la nuit. Ils ôtèrent leurs chaussures et s'en firent un orieller, ils enlevèrent leurs vêtements et s'en couvrirent. Ils se mirent tout de suite à ronfler.

Au milieu de la nuit, le cadet se réveille. L'aîné dort et ronfle. Le cadet sort, regarde le temps qu'il fait et rentre. Il se recouche. Mais il ne peut se rendormir. Il ressent soudain un fort désir pour la femme. Ne pouvant plus résister, il s'assoit.

«Aït! Nous autres, les hommes, nous savons ce qui s'obtient chèrement et ce qui s'obtient facilement.» Il se lève et va vers la femme. Lorsqu'il est auprès d'elle, elle le prend par les mains et l'attire à elle. Il croit défaillir de joie.

La femme lui dit:

— Pourquoi es-tu venu? Il ne faut pas s’approcher de moi.
— Je ne sais pas. J’ai senti soudain que j’avais envie de toi. Je ne peux pas me retenir.
— Il ne faut pas m’aimer, dit la femme. Demain, je te montrerai une fosse pleine d’eau bouillante. Elle se trouve près de la maison. Tu y verras les os des hommes qui m’ont poursuivie de leur désir. La fosse est pleine d’ossements. J’ai pitié de toi, je ne te tuerai pas, mais je peux te donner de la souffrance.
— Les habitants d’Ykh-mif ont de la chance, répondit l’homme. Mais à cet instant, il sentit quelque chose changer en lui, une douleur avait pénétré en lui. Debout, il avait mal, couché, il avait mal, très mal.
L’ainé s’éveille. Il voit son frère cadet se tordre de douleur auprès de la femme. D’un bond, il est à ses côtés.
— Qu’est-il arrivé? demande-t-il.
— L’hôtesse m’a donné la douleur, répond l’autre.
Alors la femme dit:
— Ne me faites pas de reproches. Ne vous en prenez qu’à vous. C’est votre faute. Nos hommes sont justes. Ils sont d’accord que c’est leur faute.
Lorsqu’il fit jour, l’hôtesse prépara le repas, elle les fit manger, elle leur donna du saumon blanc pour le voyage, accrocha à leur dos des naou-naou et leur dit:
— L’un de vous est malade. Comment allez-vous faire pour marcher? J’ai pitié de vous, mais vous ne pouvez pas rester ici.
Les frères la remercient tellement de sa sollicitude qu’ils en tombent presque par terre. L’ainé enlace le plus jeune, il passe son bras autour de son épaule et, tout en le soutenant, il se met en route. Ils marchent. Ils marchent très lentement. Ils se sont couchés sur le sable nu, ils ont dormi dans l’herbe, dans les buissons. Au bout de très longtemps, ils atteignent la maison du vieillard. Ils entrent. Le vieux est étendu sur le dos. Il se réveille et regarde les nouveaux venus.
— D’où venez-vous et pourquoi?
— Il y a longtemps que nous errons. Nous ne nous reconnaissons plus nous-mêmes. Comment te répondre? disent les frères.
Mais le vieux salt déjà tout.
— Pourquoi êtes-vous allés chez le mauvais génie des eaux? Elle a failli vous ensorceler?
Nous ne savions pas que cette femme était un esprit mauvais. Elle mange comme un être humain, parle le langage des hommes, elle est absolument comme toutes les autres femmes, répondent les frères.

Le vieux, sans se lever de son lit, fourre le bras sous sa couchette et en tire un saumon vivant encore palpitant. Il lui donne un coup de bâton sur la tête et le tue.

— Tenez. Faites-le cuire et mangez-le.

Les frères le font cuire dans la marmite du vieux. Après l'avoir fait cuire, ils le mettent dans un plat en bois, ils s'installent commodément et se mettent à manger le poisson. Ils portent à leur bouche un petit morceau de poisson; dès qu'ils l'ont touché des lèvres, ils sentent la peau de leur ventre tendue à craquer. Etonnés, ils se regardent.

— Qu'est-ce qui vous prend? demande le vieux qui se met à rire. Puis il dit:

— Portez le poisson dehors et jetez-le. Préparez-vous à dormir et couchez-vous.

A peine couchés, les frères s'endorment d'un sommeil de plomb et s'éveillent le matin.

Quant au vieux, il est comme la veille couché sur le dos. S'il a mangé ou non, les frères ne l'ont pas vu.

— Qu'est-ce que vous allez faire maintenant? demande le vieux.

L'aîné répond:

— Nous ne savons pas. La terre est finie.

— Rentrez chez vous, dit le vieux.

— Comment rentrer chez nous, en quoi?

— Je vous aiderai à rentrer chez vous, promet le vieux.

Et comme la veille, il attrape un poisson vivant et palpitant, il le frappe d'un coup de baton sur la tête et le tue.

— Faites-le cuire et mangez-le. Lorsque vous serez rassasiés, je vous laisserai partir, dit le maître de céans.

L'aîné prit le poisson, le fendit en longueur et le fit cuire.

— Je mange tout le temps du poisson comme celui-là, dit le vieux.

Les frères ont fait cuire le poisson, ils s'assoient en face du vieux et se préparent à manger. Ils en sont seulement à se lécher les doigts que leurs ventres sont déjà rebondis.

— Qu'est-ce que vous avez à ne pas manger?

— Nos estomacs sont pleins. Il n'y a plus de place, répondent les voyageurs.

— Allez jeter ce poisson dehors. Lavez la vaisselle et accrochez-la pour qu'elle sèche. — Ainsi parle le vieux. — Le soleil est déjà haut. Il est l'heure.

Les frères sont debout près de la maison. Le vieux sort, il tient dans sa paume une boîte, une boîte en or.

— Je vais vous renvoyer chez vous dans cette boîte.

Les frères se fâchent, croyant qu'il se moque d'eux.

— Mais elle est plus petite que ta main, cette boîte! Comment pouvons-nous entrer dedans?

— Une fois que vous serez installés, je vous pousserai, dit le vieux sans les écouter. Quand la boîte se retournera de l'autre côté, frappez contre le couvercle avec la tête et ouvrez. Vous serez sur la terre.

Puis il s'adresse à l'aîné:

— Sur le rivage, monte sur la colline. Dans l'herbe haute, tu verras un renne blanc, un renne noir, deux rennes couchés qui se reposent. En t'apercevant, ils se sauveront en direction de l'eau et se cacheront dans la boîte que ton frère doit retenir. Dès qu'ils entreront dans la boîte, ferme le couvercle. La boîte d'elle-même s'arrachera de ses mains et voguera jusqu'à moi. Ces rennes seront le tribut de votre terre. Vous êtes deux, il y aura deux rennes. C'est clair? demande le vieux.

Ce n'est qu'alors que les frères comprirent tout. Ils se trouvent chez Taikhngad lui-même, le créateur des êtres vivants. C'est lui qui, tout au long de l'année, lance dans la mer un nombre incalculable de saumons de toutes sortes et les envoie sur les côtes d'Ykh-mif pour que les habitants de cette terre mangent à leur faim.

— Quand la boîte se sera éloignée, dit le vieux aux deux hommes médusés, vous suivrez la côte contre le vent Tlani-la. Vous verrez deux adolescents. Ils seront en train de tirer les bécasses à l'arc. Quand ils s'approcheront de vous, arrêtez-les. Demandez-leur: «Est-ce que vos près sont vivants?» Ils vous répondront: «Nous n'avons pas de pères. Il y a longtemps, bien avant

que nous soyons nés, nos pères sont partis chasser en mer et y sont morts.» Dites-leur: «Nous sommes vos pères.» Ils ne vous croiront pas. Alors montrez-leur vos anneaux d'or, ceux que les mères de vos fils vous ont donnés avant que vous ne preniez la mer.

Les frères voguent dans la boîte d'or et ils entendent seulement le bruit des vagues qui la portent toujours plus loin. Au bout d'un certain temps, la boîte heurte quelque chose de dur. Le déferlement d'une vague la retourne de l'autre côté.

Et voilà les frères sur leur sol natal. Ils enferment les rennes dans la boîte et celle-ci est emportée vers le patriarche des mers.

Les frères marchent contre le Tlani-la. Ils rencontrent les deux jeunes gens qui tirent à l'arc. Ils les arrêtent, ils leur répètent tout ce qu'a dit Taikhngad. Puis le plus jeune frère donne au plus jeune garçon son anneau d'or:

— Voici l'anneau d'or de ta mère. Je l'ai pris quand je suis parti à la chasse.

Les adolescents courent à la maison et disent:

— Nos pères sont vivants!

— Les mères, le grand-père et la grand-mère ont peur. Ils grondent les gargons pensant qu'il s'agit d'une mauvaise plaisanterie.

— Ouïkra, quel péché! Vous prononcez les noms de personnes mortes depuis longtemps!

— Nos pères sont vivants! C'est vrai!

On les gronde encore plus fort. Le plus jeune montre l'anneau à sa mère:

— Tu as donné cet anneau d'or à mon père? demande-t-il.

Et tous les quatre, le vieux, la vieille et les deux femmes se rendent sur le rivage. Ils regardent les deux hommes. Ils pleurent de joie et de reconnaissance au destin qui les a enfin réunis.

Ils les conduisent à la maison. Maintenant, tous vivent heureux et dans l'aisance. Les hommes et leurs jeunes fils pêchent et chassent.

Et ils vécurent ainsi. Au bout de six ans seulement, Us racontèrent leurs aventures. Tout le monde était très étonné. Mais les frères ne parlèrent pas de leur rencontre avec la femme des mers, le mauvais génie.

La septième année, le cadet refusa brusquement toute nourriture. Il ne dormait pas. Il ne parlait à personne et n'écoutait personne. Tous les jours, dès que le soleil se levait au-dessus de la mer, il sortait sur le rivage et chantait une chanson. Il chantait fort. Il chantait jusqu'au coucher du soleil. Les autres tentaient de le calmer. Mais il n'écoutait personne. Et c'est ainsi que le chasseur a disparu en chantant.

On dit que c'est la femme des mers, le mauvais génie, qui l'a appelé.

Traduit par A. Pascal

L'HOMME D'YKHMIFE

D'estoc et de taille, l'épée des pères effarouche la nuit de redoutables lueurs: l'Homme d'Ykhmife combat Vadversaire avec l'ardeur et la science du guerrier de toujours. Mais la créature aux sept têtes est plus solide que pierre, elle n'a point tant vécu pour plier sous l'assaut. Et le choc de l'acier que les monts réverbèrent peuple d'écho martial les quatre horizons. Lance l'épée-Louve de cruels coups de croc chaque fois que les combattants attaquent, mais l'Homme d'Ykhmife n'a pas les facons de la chouette qui voit clairement dans la nuit. L'ombre nocturne lui dérobe le chaman, ce vieillard insaisissable et dangereusement perfide. La Louve dans le noir a beau jaillir comme l'éclair, aucun des sept chefs ne roule sur le sol. Et déjà, une fois, deux fois, le glaive adverse fait fleurir le sang de l'Homme d'Ykhmife! Il objurgue les ténèbres: «Desserrez vos réseaux!» Il espère la raie de clarté qui annonce le jour. Mais la nature vit selon sa loi, elle règle les heures d'amour et de colère. Et le brasier mourant soupire et larmoie car il ne bride pas au del, il brûle sur la terre.

Dès le moment que l'horizon s'éclaire, le chaman paraît vouloir souffler.

— Hé! crie-t-il à l'Homme, vois-tu dans les airs le nuage à six têtes qui dérive par là?

Je l'enfourche par-devant, je dois me refaire — à toi la queue, infortuné!

Or le nuage au même instant vire et présente à l'infâme le côté opposé.

Le guerrier vivement agrippe la crinière et savoure le plaisir d'avoir ridiculisé l'ennemi. «Serait-il vrai, pense-t-il, que le Chaman Noir n'a pas l'étoffe de gouverner la nature?»

Entre-temps sur la montagne Grise le matin fait éclore sa blanche corolle, la mer bouillonne de vagues purpurines, l'esquif de la nuit sombre corps et biens:

le regard porte loin, la vue est claire!
Le chaman le constate et profère sa sentence:

— Je m'en vais t'exiler, misérable, dans les régions où les Milques de longtemps sont prospères; où la mer des Taliglafes, d'un peigne patient, fait et défait les tresses de sa fille Amère; où le feu souterrain se rue dans les crevasses ouvertes dans le roc aux flancs rougeoyants; les vagues sous la brûlure vocifèrent et bondissent, c'est là que je me repâtrai l'hôte impudent.

En cet illustre lieu de ma gloire

je fis bouillir de tes ancêtres un nombre suffisant!
A quoi, en grande indignation, le guerrier réplique:
— A la pensée de nos morts mon cœur se déchire,
mais il existe un autre endroit, illustré celui-ci par
ma réussite!

Ce pays sis entre mer Rubiconde et mer de Jais,
jamais, insensé, tu n’y mis le pied,
j’y possède des femmes, comme le jour elles sont
belles, présent précieux de la montagne et du ciel.
Créature sans cœur, incontinent je m’en vais
t’y traîner et du haut du rocher aux six crêtes
formidables, de ma dextre d’homme, ignoble
mangeur d’hommes, te précipiter dans le vide!
Grande, bruyante est la fureur du vieillard à cette
diatribe, mais l’Homme d’Ykhmife que l’aurore
illumine, de la main gauche essuie son sang et,
de la droite, repart à l’attaque.

Le vieillard aux sept chefs s’étrangle, suffoque,
engloutit la nuée dans l’espoir d’apaiser
la soif de ses entrailles!

De la pourpre épaisse dont l’épée lui
a barré le torse une glauque vapeur monte
à chaque respiration.

Et le soleil prend parti, mais ce n’est pas le sien,
il frappe le Chaman Noir dans les yeux, il l’aveu-
gle, e’en est fait, l’Homme le presse, le refoule vers
le lieu de sa réussite, irrésistiblement.

Voici le rocher aux six crêtes planant sur les flots,
les vents là-haut agitent des chales de fumée.

Se souvient le guerrier qu’en hommage à ce mont
il sacrifia sa provision de bon tabac naguère.

Les mouettes grises arrivent à tire-d’aile, pressées
de saluer d’un concert de cris leur ami;

le soleil dans l’eau bleue reflète son gracieux
visage rayonnant — ici rien n’a changé.

Sinon qu’ont grandi les enfants du rocher
qui se mire dans l’onde: l’un vers le couchant,
le second vers le levant, ils tendent le bras.

L’Homme prend place sur le ressaut de la pierre
éclairé aux feux vifs du matin.

Le vieillard, rongé de jalousie secrète,
s’assied sur l’autre ressaut, d’ombre drapé.

Et dit l’Homme d’Ykhmife à son adversaire:

— Allons, il est temps de reprendre l’épée!

A quoi le chaman en réponse murmure:

— Pourquoi, bonhomme, te hater de mourir?

Il me plaît d’ici prendre avec toi un peu de repos...

La mer se tait, les monts font silence.

Serait-ce que la créature aux sept têtes
craint de poursuivre la lutte, ou que
ses forces déclinent?

Elle bourre une pipe de son tabac à elle,
fume en psalmodiant un très vieux dit...

Et comme l’enfant que le sommeil subjugué,
le guerrier, étourdi, s’affaisse sur son lit de granit.

L’épée-Louve glapit son angoisse,

le Serpent fouette la roche de sa queue:

— Gare à toi, Homme d’Ykhmife! C’est
une herbe de sommeil que fume le chaman!

Blâment les mouettes la traîtrise et,
toumant en blanc bouclier au-dessus du dormeur,

d’aile vengeresse ces oiseaux fustigent l’épée du
perfide, peut-être espèrent-ils en émousser le fil?

Mais d’un rire sanguinaire accueille le vieillard
cette piètre entrave, et pour lui porter

le coup fatal.

sur l'Homme endormi il lève son arme...
Alors, tel un trait, le Serpent jaillit dans les airs
puis fond sur le roc, s'écrase sur le roc de tout
son poids, et, devant le spectacle de ce suprême
sacrifice, le rocher aux six crêtes enfin s'émeut,
l'avalanche s'abat, dans un grondement
de tonnerre, la pierre fait sauter l'épée de la
main du cannibale, avant qu'il ait eu le temps de
trancher la tête de l'Homme, comme on fait
d'un poisson...
Est-ce le cataclysme? Ou la clameur
des mouettes grises? Le guerrier sort
de son assoupissement.
Il voit en quel péril mortel il se trouvait,
comprend combien est méprisable ce vieillard.
Mais la loi des antiques montagnes est formelle:
on ne fait pas justice à l'ennemi désarmé.
L'Homme ordonne donc au félon sénile:
— Va, trouve ton glaive, mon ennemi. Il ne sera
pas dit que mon sang coule pour rien! Je désire
jouter-ferrailler un peu plus.
Ma cause est bonne, de jour, de nuit je me battrai
pour elle, jusqu'à ce que tu rendes
le rôle de l'agonie!
Le vieillard s'élançait, plus célèbre que la brise,
il ramasse son glaive sur la pente, mais l'Homme
a beau héler le Serpent, le vent qui gémit est
l'unique réponse.
Le coup est dur, songe le guerrier, il ne faut plus
compter sur l'ami pour piquer vers la nue;
aussi parle-t-il au chaman de la sorte:
— Etre déloyal, à pied je vais te combattre
et la lutte dès lors sera inégale.

Mais toi, tu en répondras dans les temps!
La terre gardera, tenace, en sa mémoire
la honteuse nouvelle de ton succès...

Eh! le lâche lui-même redoute l'opprobre
lorsqu'il voit qu'à l'oubli l'opprobre survivra...
Troublé le chaman, ses yeux étincellent,
il brise sa selle sur le granit du rocher.
Dissimulant sa peur derrière un sourire, il profère:
— Ça, tu peux dire que tu l'auras amusé,
le vieillard!
Soit! pour que ma victoire ne souffre de doute,
moi aussi je consens à combattre à pied.
Alors débute la dernière bataille,
ses éclats métalliques ébranlent les lointains.
Bondissant entre crêtes et crevasses,
les deux adversaires trébuchent, se relèvent,
leur sang, leur sueur rejaillissent et bouillonnent
dans les noirs interstices du roc déchiré.
Déjà l'Homme est touché à quatre reprises,
mais ne se comptent plus les coups reçus
par le chaman...
Le drôle n'espère plus un répit,
il hurle et se démène, comme frappé du haut mal.
D'un coup terrible, le guerrier le pourfend
et dans le vide le culbute...
A l'endroit où il choit la vague écume ainsi que
sur l'écueil périlleux qui affleure, et l'Homme
d'Ykhmife, qu'un double sentiment
partage, s'écrie en sanglotant:
— Misère de toi, ô grand chaman, mon adversaire
aux sept têtes!
Til étais intelligence ingénieuse, puissant vouloir,

dans tes alertes prunelles vivait la flamme des loups,
tes muscles à la pierre de lune étaient pareils.
Mais tes genoux ont fléchi et perdu leur ressort.
Mon épée t'a ouvert de la gorge au bas-ventre.
Carcasse vidée d'entrailles, tu t'es écrasé dans le flot
comme un rocher à sept crêtes, en sifflant
et hurlant.

Il n'est pas de pardon à ta volonté sanguinaire,
et pas de mot pour justifier ma douleur contre
raison, mais je n'aurai pas le front de maudire les
plaies que tu m'as infligées, et ne veux point bafouer
ta dépouille.

Comme moi, tu songeais aux œuvres terrestres,
toutefois nourrissant ta force de chair humaine.
Comme moi, tu te souciais des lendemains
et aimais les belles choses, mais d'amour dévoyé.
L'été les pierres chauffent, l'hiver elles froidissent.
Nobles parfums, odeurs ignobles, sur la terre c'est
tout un.

Existe-t-il bête dont la robe, oiseau dont
le plumage ne soient tachés?

Pourtant, la loi des deux principes unis en leurs
contraires n'est entendue que des modestes.
Et le soleil t'ayant refusé ta part de lumière et de
chaleur, tu allais dérober, la nuit venue, ses secrets
à la nature.

Ruisselante de larmes, criant sa douleur, elle devait
céder à ta volonté implacable.

Mais tu n'appartenais pas à sa famille, et dans les
tréfonds où tu gis, ne deviendras ni algue marine,
ni poisson.

Misère de toi, void éteint en pure perte ton génie
audacieux!

Que n'as-tu consacré tes sept têtes à un projet
meilleur!

Aux vagues de toumer à présent sur l'endroit où tu
gis, sur l'endroit où tu gis, aux mouettes de tourner.
Et soit le grondement des mille voix de la nature
le signal aux pêcheurs qu'ils tiennent au large leur
esquif.

Quant au mont chapeauté de six crêtes, que s'éclaire
son front, désormais il peut fumer en paix son
calumet, car sur le lieu ensoleillé de ma réussite,
ces lamentations du guerrier seront les dernières!

Adapté par A. Karvovski

Сахалинская область

Сахалинская область расположена на Дальнем Востоке Российской Федерации, у восточных берегов Евразийского материка в переходной зоне от континента к Тихому океану. Граничит с Камчатским, Хабаровским и Приморским краями, на юге — с Японией. Общая площадь территории Сахалинской области составляет 87,1 тысячи квадратных километров.

Сахалин — один из крупнейших островов России, протянулся с юга на север на 948 километров. Из космоса он похож своими очертаниями на рыбу, «чешуей» которой служат многочисленные реки и озера. Сахалинская область состоит из 59 островов (остров Сахалин с прилегающими островами Монерон и Тюлений и 56 островов Курильской гряды). Областной центр — город Южно-Сахалинск.

Климат острова Сахалин формируется под влиянием муссонов умеренных широт, системы морских течений и особенностями рельефа и отличается холодной сухой зимой и теплым влажным летом.

Степень благоприятности климатических условий для хозяйственного освоения и проживания населения увеличивается по мере продвижения с севера на юг и с запада на восток острова.

Широкое распространение имеют минеральные и термальные воды, а также целебные минеральные грязи.

На территории Сахалинской области расположено 7 аэропортов, 8 морских портов, 14 морских терминалов.

Недра региона богаты нефтью, природным газом, каменным и бурым углем, черными, цветными, редкими и благородными металлами, горно-химическим и агрохимическим сырьем.

Ведущими отраслями промышленности в Сахалинской области являются нефтегазодобывающая отрасль, угольная отрасль, рыбопромышленный комплекс и энергетика. Доминирующее положение в экономике региона занимает нефтегазовый сектор, на долю которого приходится более 80 % общего объема промышленного производства.

На Сахалине уже сегодня сформирован реальный центр добычи углеводородов на востоке России. Накоплен огромный опыт международного сотрудничества с крупнейшими нефтегазовыми компаниями мирового уровня. Получен значительный опыт управления комплексными международными проектами по добыче и транспортировке углеводородов.

Сахалинская область — историческая родина коренных малочисленных народов Севера: нивхов, уйльта (ороков), эвенков, нанайцев и других этносов.

Sakhalin Oblast

Sakhalin Oblast is located in the Russian Far East, where eastern shores of Eurasia face the Pacific Ocean. It borders Kamchatka region, Khabarovsk region and Primorskiy region of Russia, as well as Japan in the south. The total area of Sakhalin Oblast is 87.1 thousand sq. km.

Sakhalin is the biggest island in Russia; it stretches 948 km from the north to the south. It has the appearance of a fish when observed from the space, and numerous rivers and lakes resemble fish scales. Sakhalin Oblast is comprised of 59 islands (Sakhalin Island itself with adjacent Moneron and the Tyuleniy Islands, and a chain of 56 Kuril Islands). Yuzhno-Sakhalinsk is the administrative centre of Sakhalin.

Middle latitude monsoons, sea currents and terrain features largely influence Sakhalin's climate, which is characterised by cold dry winters and warm humid summers. Climatic conditions for habitation and agriculture improve as you go from the north to the south and from the west to the east.

Mineral and thermal water as well as peloid are common in Sakhalin.

There are 7 airports, 8 sea ports and 14 marine terminals in the region.

The region is rich in oil, natural gas, black and brown coal; ferrous, nonferrous, rare, and precious metals; mining and agrochemical resource base.

The leading industries in Sakhalin are oil, gas and coal production, fishing industry and power generation. The oil and gas sector, dominating in the Sakhalin economy, provides up to 80 % of gross product.

Sakhalin is the centre of hydrocarbon production in the Russian Far East. Considerable knowledge and practice of working with major international oil and gas companies has been gained here, and significant experience of managing international integrated projects of hydrocarbon production and transportation has been accumulated.

Sakhalin Oblast is the historical homeland to indigenous peoples: Nivkh, Uilta (Orok), Evenki, Nanai and some other ethnic groups.

La région de Sakhaline

La région de Sakhaline est située dans l'Extrême-Orient de la Fédération de Russie, sur la côte orientale du continent Eurasien, dans la zone de transition entre le continent et l'océan Pacifique. La région couvre l'île de Sakhaline en elle-même, ainsi que l'archipel des îles Kouriles. Elle forme une frontière géographique entre avec le Kamchatka au Nord, les régions continentales de Khabarovsk et de Primorié à l'Ouest, et avec le Japon vers le sud.

Sakhaline est la plus grande île de Russie. Sa longueur du sud au nord atteint 948 kilomètres et sa superficie s'étend sur 87 100 km². Vue de l'espace, sa forme allongée lui donne la forme d'un poisson, et ses nombreux lacs et rivières ressembleraient même à ses écailles. Administrativement l'Oblast de Sakhaline comporte 59 îles, couvrant l'île de Sakhaline et ses îles adjacentes de Moneron et Tuleny, ainsi que les quelques 56 îles de l'archipel des Kouriles. La capitale de l'Oblast est Ioujno-Sakhalinsk.

Le climat de l'Oblast de Sakhaline est influencé par la mousson des latitudes tempérées, par les courants océaniques environnants, ainsi que par les caractéristiques plus locales du terrain. Le climat se caractérise par des hivers froids et secs et des étés chauds et humides.

La grande distance entre les parties septentrionales et méridionales de l'île principale, implique de fortes différences climatiques entre le nord et le sud, ainsi que vers l'est. Celles-ci sont plus favorables au développement économique vers le sud et l'ouest de la région.

L'île est aussi nantie en eaux minérales et thermales, ainsi qu'en boues médicinales.

Pour servir ce vaste territoire, la province compte sept aéroports, huit ports et quatorze terminaux maritimes. Sakhaline n'est pas seulement riche en ressources minérales telles que le pétrole, gaz naturel, charbon, lignite, métaux ferreux et non ferreux, métaux rares et précieux, mais est également riche en matières premières agrochimiques.

Les industries principales de Sakhaline sont l'industrie pétrolière et gazière, l'industrie du charbon, et l'industrie de la pêche. Le secteur du pétrole et du gaz tient la position dominante dans l'économie régionale, représentant plus de 80 % de la production industrielle totale.

Sakhaline est aujourd'hui le principal centre de production d'hydrocarbures de l'Est de la Russie. La région y a développé une expérience très profonde en termes de coopération internationale, travaillant étroitement avec des grandes sociétés pétrolières et gazières de niveau mondial. Par ce biais elle a construit une maîtrise importante en gestion de projets internationaux complexes visant l'extraction et le transport des hydrocarbures.

Sakhaline était peuplée à l'origine par les Nivkhes, Uilta (ou Oroks), Evenks, Nanai et d'autres groupes ethniques indigènes ancestraux.

«Сахалин Энерджи»

Компания «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.» («Сахалин Энерджи»), оператор проекта «Сахалин-2», была образована в 1994 году для освоения двух месторождений на северо-восточном шельфе Сахалина: нефтяного Пильтун-Астохского и газоконденсатного Лунского.

Акционерами компании являются ОАО «Газпром» – 50 % плюс одна акция, «Роял Датч Шелл» – 27 % минус одна акция, «Мицуи и Ко. Лимитед» – 12,5 %, «Мицубиси Корпорейшн» – 10 %.

В рамках проекта «Сахалин-2» осуществляется круглогодичная добыча нефти и газа с трех морских платформ на севере Сахалина.

Затем углеводороды транспортируются на объединенный береговой технологический комплекс и по наземному трубопроводу приходят на завод по сжижению природного газа и терминал отгрузки нефти на юге острова. Проект является одним из крупнейших в мире комплексных нефтегазовых проектов, который реализуется в тяжелых субарктических условиях острова.

Компания – один из признанных лидеров в области корпоративной социальной ответственности. Среди социальных проектов «Сахалин Энерджи» особое место принадлежит программам поддержки коренных малочисленных народов Севера, разработанным совместно с ведущими международными экспертами на основе мировых стандартов. Компания финансирует проекты, направленные на развитие потенциала и традиционной экономической деятельности коренных этносов, а также на сохранение их культуры и языков.

Эти во многом уникальные программы высоко оцениваются как в России, так и за рубежом, и входят в число лучших мировых практик.

Sakhalin Energy

Sakhalin Energy Investment Company Ltd. (Sakhalin Energy), the Sakhalin-2 project operator, was founded in 1994 for development of two fields off the north-eastern coastline of Sakhalin Island: Piltun-Astokhskoye oil field and Lunskeye gas and condensate field.

The shareholders of the company are JSC Gazprom (50 % plus one share), Royal Dutch Shell plc (27 % minus one share), Mitsui and Co., Ltd (12.5 %), and Mitsubishi Corporation (10 %).

Under the Sakhalin-2 project the company carries out all-year-round production of oil and gas from three offshore platforms in the north of Sakhalin.

The hydrocarbons are transported to the onshore processing facility and by the trans-Sakhalin pipeline system to the liquefied natural gas plant and the oil export terminal in the south of the island. The project is one of the largest integrated oil and gas projects in the world implemented under the severe sub-arctic conditions of Sakhalin Island.

The company is one of the recognised leaders of corporate social responsibility. The projects supporting indigenous peoples, developed in cooperation with the leading international experts based on the world class standards, play a special role among the social projects implemented by Sakhalin Energy. The company provides financial support to the projects aimed at capacity building and development of traditional economic activities of indigenous ethnic communities as well as preservation of their culture and languages.

These programmes, unique in many aspects, are highly recognised both in Russia and abroad and belong to the best world practices.

Ou simplement Sakhalin Energy

Sakhalin Energy Investment Company Ltd. (ou simplement Sakhalin Energy) est l'opérateur de Sakhaline-2, un projet qui fut créé en 1994 pour permettre l'exploration et le développement de gisements d'hydrocarbures situés en mer d'Okhotsk, au large des côtes de l'île de Sakhaline. Le projet est axé sur le gisement gazier de Lunskoye ainsi que sur le champ pétrolier de Piltun-Astokh.

Les actionnaires de Sakhalin Energy sont Gazprom (50 % plus une action), Royal Dutch Shell (27 % moins une action), Mitsui & Co. (12,5 %) et Mitsubishi Corporation (10 %). L'infrastructure de Sakhaline-2 permet la production permanente d'hydrocarbures tout au long de l'année. L'extraction est faite à partir de trois plate-formes marines qui produisent le pétrole et le gaz dans le nord de Sakhaline. Les hydrocarbures sont acheminés par gazoduc et oléoduc jusqu'à la côte et un premier centre de traitement, puis jusqu'au sud de l'île où se trouvent une usine de liquéfaction de gaz naturel ultra-moderne et un terminal d'exportation de pétrole. Ce projet gigantesque a été – et reste – l'un des plus grands projets pétroliers intégrés du monde. Il va à l'encontre de conditions difficiles liées principalement à l'isolement géographique et au climat subarctique.

Parmi les entreprises commerciales, Sakhalin Energy est l'un des leaders reconnus dans le domaine de la responsabilité sociale. La compagnie maintient de nombreux projets sociaux, mais ceux qui soutiennent les peuples autochtones y tiennent une place particulière. Ces programmes sont développés en collaboration avec des experts internationaux de premier plan et sont basés sur des normes internationales. De cette manière Sakhalin Energy finance des projets qui visent non seulement à renforcer les capacités et les activités économiques traditionnelles des groupes ethniques autochtones, mais aussi à préserver leurs cultures et leurs langues indigènes.

Ces programmes, qui sont en grande partie uniques, sont appréciés à la fois en Russie et à l'étranger. Ils sont reconnus comme étant parmi les meilleurs au monde.

УДК 82(=552)(092)
ББК 83.3(2=753.35)
С18

Владимир Санги. – Красноярск : ООО ИПК «Платина», 2015. –
С18 96 с., ил.

УДК 82(=552)(092)
ББК 83.3(2=753.35)

© «Сахалин Энерджи Инвестмент
Компани Лтд.», текст, фото, перевод, 2015
© Владимир Санги, произведения, 2015
© Оформление. ООО ИПК «Платина», 2015

ВЛАДИМИР САНГИ
Классик нивхской литературы
К 80-летию писателя

VLADIMIR SANGI
A patriarch of Nivkh literature, 80th anniversary

VLADIMIR SANGI
L'auteur classique de la littérature Nivkh, a 80 ans

Финансовая поддержка издания осуществлена компанией «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.»

This edition is published with financial support from Sakhalin Energy Investment Company Ltd.

Cet ouvrage est publié avec le soutien financier de la Sakhalin Energy Investment Company Ltd.

Подписано в печать 23.01.2015. Формат 108 x 84 $\frac{1}{16}$
Гарнитура PT Sans Pro. Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 10,08. Тираж 1 000 экз. Заказ № 16919

Отпечатано в ООО ИПК «Платина»
660059, г. Красноярск, проспект им. газеты «Красноярский рабочий», 71д, тел. (391) 228-63-33, факс (391) 265-59-61
www.pt78.ru